

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО- ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ СБОРНИК

ВЫПУСК ПЯТЫЙ

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1960

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
КОМИ ФИЛИАЛ

ИСТОРИКО-
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ
СБОРНИК

Выпуск пятый

КОМИ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Сыктывкар 1960

РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА

Л. П. Лашук и Н. Н. Сельков

Б. А. СЕРЕБРЕННИКОВ,
член-корреспондент АН СССР

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГРАММАТИКИ КОМИ ЯЗЫКА

Изучение пермских языков в Советском Союзе уже вступило в такой период развития, когда все чаще и чаще начинает чувствоваться необходимость постановки проблем, связанных с историей пермских языков, наряду с организацией работ чисто описательного характера.

Конечно, нельзя сказать, что эти проблемы вообще никогда не затрагивались. В области изучения истории пермских языков многое сделано зарубежными финно-угроведами, особенно финно-угроведами Венгрии и Финляндии. Затрагивались эти вопросы, хотя и в меньшей степени, и у нас. Многие из этих вопросов чрезвычайно сложны, и окончательное их решение, очевидно, потребует коллективных усилий многих финно-угроведов.

В предлагаемой статье мы даем перечень некоторых, с нашей точки зрения, наиболее интересных вопросов из области исторической морфологии коми языка и пытаемся дать на них ответы. Насколько эти ответы удачны, будут судить сами читатели.

1. О происхождении личного глагольного окончания 2-го лица единственного числа *н*

В своей статье «К истории образования глагольных времен в коми языке» нами было сделано предположение, что форма 2-го лица ед. числа глаголов настоящего времени по своему происхождению представляет форму причастия настоящего времени типа *мунан* «идуший». Одновременно мы ссылались на индоевропейские языки, где, по предположению некоторых ученых, в парадигму настоящего времени вклинились формы причастий, ср. латинск. *laudamini* «вы хвалимы», где форма *laudamini* напоминает греческое причастие на *менос*, напр. *графоменос* «написанный» или форму 3-го лица мн. числа на *онти* (ст. слав. *несонт* — «несут»), греч. *φέρουσι* «несут», где *онти* представляет причастное окончание¹.

¹ Академия наук СССР. Коми филиал. Историко-филологический сборник. Выпуск 3, стр. 58, 59.

Однако может быть и другой путь объяснения происхождения этой формы. В некоторых диалектах коми языка личным окончанием 2-го лица ед. числа служит не *-н*, а *-д*, например, *мунад* «ты идешь» вместо *мунан*.

В древнепермских надписях зафиксированы формы 2-го лица мн. числа типа *сёйад-ныд* «едите», *мунад-ныд* «пойдете» и т. д.¹

Личное окончание 2-го лица ед. числа *-н*, по-видимому, довольно позднее образование. Произойти оно могло следующим образом.

В древней форме 2-го лица множ. числа типа *мунад-ныд* *-д* могло подвергнуться ассимиляции, в результате чего возникла новая форма *мунан-ныд*. Поскольку личное окончание *-ныд* осознавалось говорящим как вполне четко выделяемый форматив и создавалась возможность выделения другой части этой формы *мунан*, последняя могла повлиять на форму второго лица ед. числа *мунад*, которая затем была перестроена. Из формы *мунад* появилась новая форма *мунан*. Этот путь возникновения личного окончания *-н* в форме 2-го л. ед. числа нам представляется более вероятным.

2. Почему местный и вступительный падеж в притяжательном склонении ряда «его» имеют одинаковые формы (*керкаас* «в его доме» и *керкаас* «в его дом»)?

Известно, что формы местного и вступительного падежей притяжательного склонения ряда «его» в коми языке, а также в родственном ему удмуртском языке являются омонимичными, ср. в коми языке *керкаам* «в моем доме» и *керкаам* «в мой дом», *керкаад* «в твоём доме» и *керкаад* «в твой дом», *керкаас* «в его доме» и *керкаас* «в его дом»; удмуртск. *лудам* «в моем поле» и *лудам* «на мое поле», *лудад* «в твоём поле» и *лудад* «на твоё поле», *лудаз* «в его поле» и *лудаз* «на его поле».

Истоки этого загадочного явления восходят, несомненно, к эпохе общепермского языкового единства. Некоторые исследователи пермских языков пытались объяснить возникновение омонимии форм этих падежей.

Венгерский финно-угровед профессор Фокош-Фукс, обратив на этот факт внимание в своей статье «А lokativus fële határozók a votjâkban» (Падежи локативного типа в вотяцком языке), указывает, что подобного рода явления можно наблюдать и в других финно-угорских языках, в частности в венгерском².

Однако профессор Фокош-Фукс не делает при этом никаких попыток объяснить причины этого явления.

А. И. Емельянов, автор «Грамматики вотяцкого языка», писал по этому поводу следующее:

¹ В. И. Лыткин. Древнепермский язык. Москва, 1932, стр. 112.

² Журнал «Nyelvtudományi közlemények», XXXVI, стр. 212.

«...совмещение двух совершенно разных по смыслу падежей в одной и той же форме объясняется тем, что в этой форме нет собственно никакого падежного суффикса: язык использовал в данном случае посессивную форму имен на архаический суффикс *-a*; так как эта форма большей частью употребляется в качестве наречия, то в этой роли она может одинаково выполнять свое назначение и при глаголе, означающем движение куда-либо, и при глаголе, выражающем действие, локализованное в известных пределах: *бусыям гырыны мынйсько* «иду в свое поле пахать» (соб. имея свое поле), — *бусыям* имеет значение иллатива; *бусыям ужасько* «работаю в своем поле» (соб. имея свое поле), здесь *бусыям* имеет смысл инессива, и однако в том и другом случае форма одна и та же — имя с посессивным суффиксом, употребленное в роли наречия»¹.

Совершенно иное истолкование природы этого явления пытаются дать Д. В. Бубрих. Д. В. Бубрих утверждает, что в финно-угорских языках был некогда отложительный падеж или аблатив, имевший две разновидности окончания *-ta*, *-t*. Форматив *-a* в *кар-а-м*, *кар-а-д*, *кар-а-с* и т. д. отражает древнее *ta*, поскольку, по мнению Д. В. Бубриха, *t* на пермской почве в положении между гласными давало нуль в чередовании с *t*, причем в непрерывных слогах перед этим нулем в чередовании с *t* оказывалась *a*.

Д. В. Бубрих оспаривает распространенное мнение о том, будто бы аблатив первоначально обозначал только удаление. В пермских языках этот падеж отражается как падеж с самым широким местным значением, охватывающим и «где», и «куда», и «по какому месту» (плюс «когда» и др.). Значения «откуда» как раз и нет: оно сошло со сцены, так как в этом значении *t*-овый аблатив был вытеснен специфическим *c*-овым аблативом².

Все три вышеизложенные гипотезы не свободны от известных противоречий. Объяснение проф. Фокош-Фукса, как уже отмечалось выше, только указывает на возможность синкретизма местного и направительного падежей, но оно не вскрывает механизма этого явления в самих пермских языках.

Объяснение А. И. Емельянова может показаться правдоподобным, если исходить из объяснения первоначального значения подобранных им примеров (*бусыям гырыны мынйсько* «я иду пахать, имея собственное поле», *бусыям ужасько* «работаю на своем поле — собственно «имея собственное поле»). Однако если мы применим это объяснение к другим сочетаниям, то можем получить явную бессмыслицу. Разве можно объяснить фразу *керкаас муна* «я иду в его дом» как «я иду, имея его дом» или *керкаад муно* «он идет, имея твой дом» и т. д.?

¹ А. И. Емельянов. Грамматика вотяцкого языка. Л., 1927, стр. 134, 135.

² Д. В. Бубрих. Сравнительная грамматика финно-угорских языков в СССР. Ученые записки ЛГУ, серия востоковедческих наук, вып. 2, стр. 55.

Не свободно от противоречий и объяснение Д. В. Бубриха. Во-первых, совершенно непонятно, почему в пермских языках в притяжательном склонении существительных утвердилось другое окончание местного падежа. Ведь если в форме *керкаын* «в доме» выступает древний местный падеж на *н*, то почему же в форме *керкаас* «в его доме» выступает местный падеж на *та* (*т*)? Механизм этого процесса во всяком случае не ясен.

Будучи противником марризма, Д. В. Бубрих, к сожалению, придерживался широко распространенной в 30-х годах в советском языкознании гипотезы о диффузном характере мышления первобытного человека, результатом чего была диффузность значений грамматических форм. Один и тот же падеж, по мнению сторонников этой гипотезы, мог иметь целую сумму самых различных значений. История различных языков ясно показывает, что каждое новое значение образуется постепенно, на базе ему предшествовавшего значения. Так, например, финский партитив возник на базе первоначального значения отложительного падежа. Остальные финно-угорские языки показывают, что древний аблатив на *та* первоначально не мог иметь одновременно и аблативного и партитивного значения. На какой же основе образовалась масса значений у падежей в древних языках?

Попробуем объяснить омонимию форм местного и вступительного или направительного падежей притяжательного склонения.

Если сравнить способ образования форм других падежей притяжательного склонения, то нетрудно заметить, что эти формы образуются совершенно нормально, например: *керка+ой+лы* «моему дому», *керка+лань+ыс* «по направлению к его дому» и т. д. Обычная схема расположения формативов — основа+притяжательный суффикс+падежное окончание.

В истории пермских языков, по-видимому, был период, когда формы местного и направительного падежей образовывались вполне нормально и различались по форме.

В коми-зырянском языке эти формы некогда образовывались по схеме *керкаыным* «в моем доме», *керкаыныд* «в твоём доме», *керкаыныс* «в его доме», *керкаёым* «в мой дом», *керкаёыс* «в его дом», в удмуртском: *лудыным* «на моем поле», *лудыныд* «на твоём поле», *лудыныз* «на его поле», *лудэыд* «на твое поле» и т. д.

Нетрудно заметить, что формы направительного падежа были весьма неудобопроизносимы, и поэтому в языке возникла тенденция к их возможному упрощению и преобразованию.

Формы притяжательного склонения в пермских языках могли употребляться как без сопровождения притяжательными местоимениями, например, *керкаыным* «в моем доме», так и совместно с притяжательными местоимениями.

В современном коми языке имя существительное, сопровождаемое формами родительного падежа личных местоимений, обычно не принимает никаких притяжательных суффиксов, ср. *менам*

керкаын «в моем доме», тэнад керкаын «в твоём доме», сы керкаын «в его доме» и т. д.

В древности дело могло обстоять иначе: после форм родительного падежа личных местоимений, вероятно, употреблялись имена существительные с притяжательными суффиксами, т. е. нечто вроде *менам керкаыным*, «в моем доме», *тэнад керкаыныд* «в твоём доме», *сылён керкаыныс* «в его доме», *менам керкаоым* «в мой дом» *сылён керкаоыс* «в его дом» и т. д.

Структура формы притяжательного местоимения *менам* довольно ясна: *мен* — основа личного местоимения 1-го лица ед. числа, ср. удмуртское *мон* «я», эрзя-мордовское *мон* «я», финск. *minä* и т. д., *а* — посессивный суффикс. Следовательно, «*мена*» некогда означало «то, что относится ко мне, т. е. мое». Позднее к этой форме был присоединен притяжательный суффикс первого лица ед. числа *-ым* в его усеченной форме *-м*, в результате чего образовалась современная форма род. падежа ед. числа личного местоимения *ме*, которая сама по себе, конечно, не содержит окончания родительного падежа.

В сочетании *менам керкаыным* «в моем доме» форма «*керкаыным*» могла уподобиться в известной мере форме родительного падежа ед. числа личного местоимения *ме*. В результате такого уподобления возникла новая форма *керкаам* вместо прежней формы *керкаыным*.

По аналогии *керкаам* легко могла возникнуть и форма *керкаад*, ср. сочетание *тэнад керкаыныд* «в твоём доме», поскольку форма *тэнад* образована совершенно симметрично форме *менам*. Она состоит из основы личного местоимения второго лица ед. числа *тэн* + посессивный суффикс *-а* + притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа *-ыд* в его усеченной форме *-д*.

Таким образом возникли новые формы местного падежа типа *керкаам* и *керкаад*. В результате давления системы по аналогии возникла и форма местного падежа с притяжательным суффиксом 3-го лица ед. числа *керкаас*, хотя, как известно, древнее сочетание *сылён керкаыныс* не давало никаких импульсов для такой перестройки.

Остается нерешенным другой вопрос, что побудило к перестройке древние формы направительного падежа?

В пермских языках наблюдается некоторое соприкосновение сфер местного и направительного падежей, ср., например, *вөрö воши* «он заблудился в лесу», *йёрданö вöйи* «он утонул в проруби». Такое же соприкосновение сфер двух падежей наблюдалось также и в области притяжательного склонения, например: *керкаас олö* «в своем доме живет», *керкаас кольччис* «в своем доме остался» (букв.: в свой дом).

Это соприкосновение двух сфер, двух падежей, очевидно, и послужило причиной совпадения их форм. Катализатором, способ-

ствовавшим их объединению, несомненно, явилась крайняя неудобопроизносимость форм направительного падежа притяжательного склонения, ср., например, *керкабым* «в мой дом», *керкабыс* «в его дом» и т. д.

3. Что представляет формант *õ* в формах винительного падежа ед. числа личных местоимений *менõ* — «меня», *тэнõ* — «тебя»?

В среде финно-угроведов широко распространено мнение о том, что гласный *õ* в формах *менõ* «меня» и *тэнõ* «тебя» представляет гласный, оставшийся после отпадения древнего окончания винительного падежа *-м*.

В. И. Лыткин в своей «Исторической грамматике коми языка» дает реконструкцию форм *менõ* и *тэнõ*. *Менõ* образовалось из *мΛнэм*, *тэнõ* из *тΛнэм*¹.

Того же мнения придерживается и Д. В. Бубрих, а также другие исследователи.

Эта гипотеза опять-таки не свободна от противоречий. В самих пермских языках не сохранилось никаких следов существования так называемого *м*-ового аккумулятива. Гипотеза о его существовании основывается исключительно на данных некоторых других языков, в которых *м*-овый аккумулятив либо сохранился, ср. форму вин. падежа в марийском языке типа *чодрам* «лес» от *чодра* (им. пад.), либо оставил ощутимые следы, ср. финскую форму вин. падежа *kansan* «народ» от *kansa*.

М-ового аккумулятива в пермских языках могло и не быть. Что же в таком случае представляет гласный *õ* в формах местоимений *менõ*, *тэнõ*?

Этот гласный представляет по своему происхождению усиленную частицу. Она присоединялась к существительному в тех случаях, когда нужно было указать на определенность имени существительного или местоимения, выступавших в роли дополнения глагольного действия. Эта частица в древности служила для определения и усиления имен существительных и местоимений, выступающих в роли дополнения глагольного действия. Она могла усилить и формы местоимений в именительном падеже. Эта частица находится в составе формы именительного падежа личного местоимения 3-го лица ед. числа *сийõ* «он» (*си+й+õ*). *Си* представляет основу местоимения, *й* выступает как буферный согласный, служащий для избежания так называемого зияния, а *õ* усиительная частица. Основа местоимения *си/сы* выступает в косвенных падежах, ср. *сы-лõн* «его», *сы-лы* «их». Та же самая усиительная частица обнаруживается в местоимении *найõ* «они», если учесть, что в косвенных падежах выступает основа *на*, например *на-лõн* «их», *на-лы* «им» и т. д.

¹ В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка, ч. I. Сыктывкар, 1957, стр. 84.

Усилительная частица *õ*, как уже говорилось выше, играла роль окончания винительного падежа в тех случаях, когда имя существительное было определенным или особо выделялось говорящим в процессе речи.

Наряду с усилительной частицей *õ* в роли усилителей и определителей могли выступать притяжательные суффиксы второго и третьего лица ед. числа, чем объясняется происхождение такого окончания винительного падежа как *-õs*, например *сийõs* «его», *мианõs* «нас», *тианõs* «вас», *найõs* «их», *велõдчысьясõs* «учащихся» и т. д.

Были случаи, когда усилительная частица *õ* присоединялась к формам имен существительных, уже усиленных притяжательными суффиксами, например *керъясис+õ*, затем *керъяссõ* «бревна», *пуйясис+õ*, затем *пуйассõ* «деревья» и т. д., откуда окончание винительного падежа *-сõ*, *-тõ*.

Если бы форматив *õ* в формах винительного падежа местоимений *менõ*, *тэнõ* представлял гласный, оставшийся после отпадения конечного *м*, то в таком случае совершенно непонятно, почему он отпал во всех других случаях. Почему не сохранилось форм винительных падежей типа *мортõ* «человека», *вõрõ* «леса», *ваõ* «реки» и т. д.?

4. Почему одушевленные существительные в коми языке в определенном винительном падеже имеют окончание *-õs*?

Известно, что в коми языке одушевленные имена существительные в винительном падеже принимают окончание *-õs*, если они являются определенными, например *лэдз мортõs* «пропусти человека».

Закрепление за одушевленными именами существительными окончания винительного падежа *-õs* объясняется, по всей видимости, влиянием форм винительного падежа личных местоимений *сийõs* «его», *мианõs* «нас», *тианõs* «вас», *найõs* «их». Личные местоимения связаны с одушевленными именами существительными. Это послужило причиной возникновения ассоциации окончания *-õs* с одушевленными именами существительными, откуда формы винительного падежа типа *мортõs* «человека», *нылõs* «девушку», *кõчõs* «зайца» и т. д.

5. Откуда образовалась форма винительного падежа существительных, снабженных притяжательным суффиксом первого лица ед. числа?

Мы имеем в виду форму типа *керкаõs* «моего дома». История происхождения этой формы довольно любопытна. Она состоит из основы имени существительного *керка*, к которому прибавлен притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа *-õ(й)*. Сравнивая формы других лиц — *керкатõ* «твой дом», *керкасõ* «его дом», *кер-*

канытõ «ваш дом» и *керканысõ* «их дом», нетрудно заметить, что окончания винительного падежа образовались путем соединения притяжательных суффиксов с формативом *õ*. В рассматриваемой нами форме к притяжательному суффиксу 1-го лица *õ* должен был бы присоединиться форматив *õ*, но язык не пошел по этому пути, так как могла получиться трудно отличимая форма *керкаõõ*. Для создания формы был использован притяжательный суффикс 3-го лица *с*, в результате чего возникла существующая по сей день форма *керкаõс*.

Этот факт также свидетельствует о том, что притяжательный суффикс *-ыс* довольно рано приобрел вторую функцию средства определения и выделения имени существительного.

6. Почему формы родительного и дательного падежей личных местоимений 1-го и 2-го лица единственного числа уклоняются от общей схемы образования этих падежей?

Речь в данном случае идет о формах *менам* «мой», *тэнад* «твой» и *меным* «мне», *тэныд* «тебе». Сравнение этих форм с такими формами, как *сылõн* «его», *налõн* «их», *сылы* «ему», *налõн* «их» и *налы* «им», показывает, что в образовании последних участвовали окончания родительного и дательного падежей, тогда как в формах *менам* «мой», *тэнад* «твой», *меным* «мне», *тэныд* «тебе» они совершенно отсутствуют.

Объясняется это явление, очевидно, тем, что в древности существовали особые образования, означающие «принадлежащий мне», «принадлежащий тебе», но образовались они различным путем. В одном случае вышеуказанные формы образовывались путем простого присоединения притяжательных суффиксов первого и второго лица ед. числа к основам этих местоимений. *Меным* означало «принадлежащий мне», *тэныд* — «принадлежащий тебе».

Такой же способ образования форм дательного падежа личных местоимений наблюдается и в хантыйском языке, ср. такие формы, как *манем* «мне», где *ман* — основа личного местоимения, а *ем* — притяжательный суффикс 1-го лица ед. числа, *нанген* «тебе» (*нанг* «ты», *ен* — притяжательный суффикс 2-го лица ед. числа) и т. д.

В других случаях основы местоимений осложнялись посессивным суффиксом *-а*, к которому затем присоединялись притяжательные суффиксы первого и второго лица в их усеченной форме. Таким образом образовались формы *менам* «принадлежащий мне», *тэнад* «принадлежащий тебе».

Распределение этих одинаковых форм по сферам различных падежей происходило, по всей видимости, путем первоначального обособления синтаксических конструкций.

Предложение типа *вай меным чер* «дай принадлежащий мне топор» приобрело значение «дай мне топор», тогда как предложение *вай менам чер* стало означать «дай мой топор». Обособленно-

сти этих конструкций, по-видимому, способствовало и то обстоятельство, что *мена* и *тэнад* чаще употреблялись в функции указания принадлежности.

Образование форм других местоимений таким же способом могло бы привести к образованию форм, противоречащих фонетике коми языка, типа *сыам*, *сыад*, *сыым*, *сыыд* и т. д. К тому же в этом и не было никакой необходимости, так как местоимения 3-го лица по своему происхождению представляют указательные местоимения. Склонение указательных местоимений не отличалось от склонения имен существительных.

7. Что представляют по своему происхождению формы родительного падежа множественного числа личных местоимений *ме* и *тэ* — *миян* и *тиян*?

Эти формы образованы симметрично формам *мена* и *тэнад*. *Ми* и *ти* представляют основы местоимений, к которым присоединен посессивный суффикс *-а* через посредство буферного *й*. Следовательно, образования типа *мйяа* и *тйяа* некогда обозначали «к нам относящийся», «к вам относящийся». Позднее к этим образованиям присоединилось, по-видимому, окончание местного падежа *н* и форма *миян* и *тиян* стали обозначать «у нас» и «у вас», откуда значение «наш», «ваш». Таким образом, в этих формах нет никакого окончания родительного падежа. Следует также отметить, что вследствие переразложения основ формы родительного падежа *миян* и *тиян* были восприняты как основы имен существительных, откуда формы косвенных падежей *миянлысь*, *миянлы* и *тиянлӧс*.

8. Откуда происходит в коми языке окончание родительного падежа *-лӧн*?

Окончание родительного падежа в коми-зырянском языке *-лӧн* (удм. *-лэн*), по всей видимости, возникло из более древнего *-лан*. Это окончание до сих пор сохранилось в диалекте коми-зырянцев. Окончание *-лан* по своему составу сложное. Оно составлено из двух формативов *-ла* и *-н*. Форматив *-ла*, по-видимому, родственен словообразовательному суффиксу *-la*, который мы находим в таких финских словах, как *setälä* «дом дяди», *etelä* «юг», а также в словах коми-зырянского языка типа *бӧрла* (*дор*) «задняя часть», *водзла* (*дор*) «передняя часть».

В финноугроведении широко распространено мнение, что словообразовательный суффикс в вышеупомянутых словах обозначает местонахождение. По нашему мнению, он обозначает не местонахождение, а отношение к чему-либо. *Setälä* означает не то, что находится в «доме дяди», а нечто относящееся к дяде.

Этот же форматив обнаруживается в коми-зырянском языке в таких образованиях как *ас-ла-д* «свой (II л.)», *ас-ла-с* «его (свой)», *ас-ла-ным* «наш» и т. д. Это же *-ла* прослеживается в формах родительного падежа множественного числа удмуртских личных местоимений, напр., *ми-ля-м* «наш», *ти-ля-д* «ваш».

Можно предполагать, что в древнем языке коми вначале были формы типа *вокла* «относящийся к брату», *вөрла* «относящийся к лесу» и т. д.

Затем к окончанию *-ла* присоединилось *-н*. Это *-н* могло быть либо древним окончанием древнего родительного падежа или окончанием местного падежа. Окончательно этот вопрос решить трудно, так как и тот и другой пути возможны.

Изменение древнего *-лан* и *-лөн*, очевидно, происходило нефонетическим путем в целях большего ограничения этого окончания от суффикса приблизительного падежа *-лань*.

9. Почему в личном глагольном окончании 3-го лица множественного числа отпало конечное *с*?

Как известно, личным окончанием 3-го лица множественного числа глаголов является *-ёны*, например, *мунёны* «они идут». Памятники древнепермской письменности, а также некоторые косвенные данные свидетельствуют о том, что в более древнюю эпоху личным окончанием 3-го лица множественного числа было *-ёныс*.

В современном литературном коми языке этого конечного *с* нет. Отпадение *с* не могло произойти фонетическим путем, так как конечное *с* в коми языке не подвергалось исчезновению. Вероятнее всего, это отпадение совершилось под влиянием отрицательной формы 3-го лица множественного числа.

Ход этого процесса можно было бы изобразить следующим образом:

первая фаза

1) <i>мунёныс</i>	оз <i>мунны</i>
«они идут»	«они не идут»

вторая фаза

2) <i>мунёны</i>	оз <i>мунны</i>
«они идут»	«они не идут»

10. Откуда происходит окончание переходного падежа *-ёд*?

Окончание переходного падежа *-ёд* произошло из более древнего *-ёт*. Это окончание до сих пор сохраняется в коми-пермяцких диалектах. Окончание, по всей видимости, сложное. Оно составлено из окончания вступительного падежа на *-ё*, например *керкаё*, и древнего окончания переходного падежа *-т*.

Переходный падеж на *т*, вероятно, когда-то имел значение местного падежа, ср. мансийское *ворт* «в лесу» от *вор* «лес».

Структура окончания переходного падежа *-õд*, по нашему мнению, очень напоминает структуру местного падежа на *ште*, в марийском языке, напр.: *олаште* «в городе», где *ш* является окончанием вступительного падежа, а *те* окончание древнего местного или переходного падежа.

11. Откуда происходит предикативное окончание множественного числа прилагательных *-õсь*?

Известно, что прилагательные в коми языке, находясь в предикативной позиции, во множественном числе принимают окончание *-õсь*, например, *керкаяс джудждыõсь* «дома высоки», *вõвъяс бурõсь* «лошади хороши» и т. д.

Источник образования этих прилагательных следует искать в окончании прилагательных на *-õсь* типа *няйтõсь* «грязный», ср. существительное *ошкõсь* «изобилующий медведями», *мылькйõсь* «холмистый» и т. д.

Прилагательные на *-õсь* имеют значение «изобилующий чем-либо», «обладающий чем-либо в большом количестве»; поскольку в этом окончании заключена идея множественности, то эта идея множественности могла быть в некоторых случаях абстрагирована и окончание *-õсь* получило значение множественности качественных признаков вообще. Таким оно, очевидно, и выступает у предикативных имен прилагательных.

12. Откуда произошло окончание *-õй* в формах множественного числа отрицательного спряжения?

Как известно, формы 1-го и 2-го лица множественного числа глаголов имеют специфическое окончание *-õй*, наращиваемое на основу глагола, например, *ог мун* «я не иду», *он мун* «ты не идешь», *оз мун* «он не идет», *огõ мун-õй* «мы не идем», *онõ мун-õй* «вы не идете», *оз мунны* «они не идут», ср. также формы прошедшего времени *згõ мунõй* «мы не шли», *энõ мунõй* «вы не шли».

Эти формы возникли несомненно под влиянием формы 2-го лица множественного числа повелительного наклонения, ср. *мун-õй* «идите». Побуждение, выражаемое формами повелительного наклонения, могло иногда иметь характер запрещения, для чего употреблялись отрицательные формы, например, *энõ мунõй*. Поскольку отрицательная форма изъявительного наклонения иногда также выражает побуждение, особенно в тех случаях, когда они употребляются в значении будущего времени, ср. в русском языке «не оставим в беде наших товарищей», то такое сходство функций привело к омонимии форм. По образцу отрицательной формы повелительного наклонения *энõ мунõй* «не

идите» образовалась сначала форма 1-го лица мн. числа отрицательного спряжения *огö муной*, а затем по аналогии формы 1-го лица множественного числа форма 2-го л. множ. числа *онö муной*.

Форматив *-ой* в этих формах по происхождению тот же самый, что и притяжательный суффикс 1-го лица единственного числа, ср., например, *керкаой*, исторически возникший из формы обращения.

13. Откуда произошли обороты типа *чоя-вока* «брат с сестрой»?

Окончание *a* представляет остаток окончания двойственного числа. *Чоя* некогда означало «две сестры», *вока* «два брата». В дальнейшем двойственное число совершенно вышло из употребления. По мнению некоторых ученых оно сохранилось в виде реликта в слове гозья «муж с женой», «чета».

Оборот типа «брат с сестрой» в древнем коми языке первоначально, по всей видимости, образовался по схеме *чой-вок-a* (букв.: сестра=брат-двое). Затем окончание двойственного числа плеоностически присоединилось к первому слову, в результате чего возник оборот *чоя-вока* (собственно *чойа-вока*).

Аналогичный оборот имеется в мансийском языке, например: *Таняг Баляг* «Валя и Таня», где *г* окончание двойственного числа, ср. *кол* «дом», но *колыг* «два дома».

Таким образом, форматив *-a* в *чоя-вока* не является посесивным суффиксом *-a*, хотя и совпадает с ним по форме.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПАДЕЖЕЙ С ЭЛЕМЕНТОМ *СЬ* В КОМИ ЯЗЫКЕ¹

В данной статье делается попытка объяснить происхождение группы падежей, суффиксы которых содержат элемент *сь*. Таковы исходный падеж с суффиксом *-сь*, *-ысь*, отдалительный падеж с суффиксами *кз*². *-сянь*, диал. *-ысьёдз*, удм. *-сянь*, *-ысен*, притяжательный падеж с суффиксами *кз*. *-лысь*, удм. *-лэсь*, сравнительный падеж с суффиксом *-ся* (в коми-пермяцком языке и некоторых диалектах коми-зырянского языка).

Для выяснения вопросов генезиса этих падежных суффиксов привлекаются сравнительные данные о функциях этих падежей в пермских языках, а также сравнительный материал из других финно-угорских языков.

Суффикс исходного падежа и его происхождение

В современных пермских языках исходный падеж (элатив) в неопределенном склонении имеет суффикс *-ысь*, в диалектах и коми-пермяцком языке имеется также фонетический вариант *-ись*. Приведем примеры:

кз. лит. скр. уд. вым. иж. нв. печ. сс. лл. *керкаысь* «из избы», *мёдысь* «второй раз», *ошкысь* «от медведя», *черыысь* «из рыбы», *муысь* «из земли», вв. *карысь* «из города», *батысь* «от отца», *унаись* (также *унась*) «много раз»;

кп. лит. зд. кс. и. оньк. нердв. *посёдзись* «из сеней», *синъясись* «из глаз», *керкуись* «из дома», *Иллинскёйись* «из с. Ильинское», *пизись* «из муки», *пуись* «из дерева» (В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия);

удм. лит. *писпуосысь* «с деревьев» («Вуж Мултан»), глазов. *одйг кылысь-ымысь* «единодушно», обинись «из овина», малм.

¹ Статья представляет собой фрагмент из кандидатской диссертации «*Сь*-овые падежи в коми языке». Научный руководитель — доктор филологических наук, профессор В. И. Лыткин.

² См. список сокращений в конце статьи.

буйсь «с поля», елабуж. *иньмись* «с неба», малм.-урж. *дуннеись* «со света», уфимск. *липетись* «с крыши» (Вихман, *Wotjakische Chrestomathie*)¹.

В лично-притяжательном склонении удмуртского языка исходный падеж имеет суффикс *-ысьт*. Это означает, что к приведенному общепермскому суффиксу элатива *-ысь* как бы «прирастает» элемент *т*. Например, если существительное *луд* «поле» в неопределенном склонении имеет форму *лудысь* «с поля», то в лично-притяжательном склонении оно имеет следующие формы:

Единственное число:

Множественное число:

- 1 л. *луд-ысьт-ым* «с моего поля» *луд-ысьт-ымы* «с нашего поля»
2 л. *луд-ысьт-ыд* «с твоего поля» *луд-ысьт-ыды* «с вашего поля»
3 л. *луд-ысьт-ыз* «с его поля» *луд-ысьт-ызы* «с их поля»².

В определенных условиях суффикс исходного падежа *-ысь* выступает без гласного элемента, в виде *-сь*. Это отсутствие гласного особенно характерно для коми языка. Гласный элемент отсутствует: а) если имя склоняется по лично-притяжательной парадигме: кз. *пыж-сь-ым* «из моей лодки», *пыж-сь-ыд* «из твоей лодки», кп. *ва-с-ис* «из той воды», *лыйём-с-ис* «от выстрела»; б) в некоторых наречиях, представляющих собой застывшую форму исходного падежа: кз. *тась* «отсюда», кз. *сэсь* «оттуда», кз. кп. *кысь* «откуда». Наряду с приведенными краткими формами имеются соответствующие полные формы наречий с суффиксом *-ысь*: *татысь* «отсюда», *сэтысь* «оттуда», *кытысь* «откуда»; в) в некоторых коми местоимениях в притяжательном падеже, исторически восходящих к формам в исходном падеже: кз. *менсьым* (фонетический вариант *менчим*) «у меня (взять)», *тэнсьыд* (фонетический вариант *тэнчыд*) «у тебя», *ассьым* «у меня самого», *ассьыд* «у тебя самого», *ассьыс* «у него самого», кп. *менсим* «у меня», *ассим* «у меня самого» и т. д.; г) если двухсложное или многосложное имя оканчивается на гласный звук (в некоторых коми-зырянских диалектах и в отдельных случаях в удмуртском языке): кз. вв. *деревнясь* «из деревни», *лавкась* «из магазина», *Эжвась* «из Вычегды», *дёрась* «из холста»; удм. *коркась* «из избы», *педпалась* «снаружи», *берлось* «сзади». В односложных именах гласный сохраняется: *пуись* «из дерева» (*пу* «дерево»), *ваись* «из воды» (*ва* «вода»), *биись* «из огня» (*би* «огонь»).

Примеры показывают, что суффикс исходного падежа в коми и удмуртском языках имеет несколько разновидностей. Общепермским показателем является суффикс *-ысь* (*-ись*), отчетливо сохраняющий свой фонетический облик в неопределенном (основном) склонении коми и удмуртского языков. Локально ограниченным является суффикс *-ысьт*, наличествующий в удмурт-

¹ По соображениям полиграфического характера фонетическая транскрипция Вихмана переведена на практическое удмуртское письмо.

² Удмуртско-русский словарь, М., 1948, стр. 411.

ской лично-притяжательной парадигме. Суффикс *-сь* употребляется главным образом в коми языке и лишь в отдельных случаях.

Рассмотрим происхождение отдельных элементов в перечисленных суффиксах элатива.

Наиболее поздним и молодым элементом в суффиксах *-ысь* и *-ысьт* является гласный звук *ы* (*и*), возникновение которого в составе суффиксов связано с фонетическими процессами, имевшими место еще в общепермском языке-основе.

Как установлено в финно-угроведении, корневые слова финно-угорского языка-основы были большей частью двухсложными или многосложными и кончались на краткий гласный звук. «Этот гласный звук в определенных суффиксальных формах сохранился во всех финно-угорских языках. В именительном же падеже, который в финно-угорских языках не оформлен падежным суффиксом, этот конечный гласный звук в некоторых языках сохранился (в финском, саамском, мордовском и т. д.), в пермских же языках и в венгерском он в большинстве случаев отпал»¹.

Процесс отпадения конечного гласного в пермских языках охватил большое количество слов финно-угорского происхождения и привел к возникновению десятков односложных слов, оканчивающихся на согласный звук. В этом нетрудно убедиться, если привести некоторые параллели из лексики финно-угорских языков:

коми *тöв*, удм. *тол* «зима», морд. *теле*, мар. *тэлэ*, фин. *talvi*;

коми *ем* «игла», мар. *име*, фин. *äimä*;

коми *мой* «бобр», морд. *мие*, фин. *majava*;

коми *тар* «тетерев», удм. *тур*, фин. *teeri*;

коми *ньöв* «стрела», удм. *ньöл*, фин. *nuoli*;

коми *ныж* «тупой», удм. *ныж*, мар. *нушкö*, морд. *ношка*;

коми *пельк* «ловкий, чистый», мар. *пельке*, фин. *pelkkä*;

коми *нэль* «четыре», удм. *ниль*, морд. *ниле*, фин. *neljä*.

Однако отпадение конечного гласного основы в пермских языках не было бесследным. В ряде случаев, как отмечал еще Синнеи², этот гласный перешел в состав суффиксальных морфем.

Проф. В. И. Лыткин следующим образом объясняет процесс отпадения конечного гласного и перехода его в состав суффиксов: «Сравнивая коми слово *бур* «добрый, хороший, добро» и удм. *бур* со словами других финно-угорских языков — мар. *поро*, морд. *паро*, финск. *para*, саамск. *буорре*, мы заметим, что в пермских языках конечный гласный отсутствует. Это отсутствие конечного гласного мы видим не только в форме именительного

¹ В. И. Лыткин. Историческая грамматика коми языка. Часть первая. Введение. Фонетика. Сыктывкар, 1957, стр. 66—67.

² см. Szinnyeï. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft. Berlin, 1922, стр. 53.

падежа, но и в некоторых других формах словоизменения; например, в следующих формах в конце основы мы не наблюдаем гласного звука — основа, как и в именительном падеже, оканчивается на согласный звук: *бурлѡн* «у хорошего», *бурлы* «хорошему», *бурсѡ* «хорошего-то» и т. д. С точки зрения современного языка основой слова является *бур* также и в следующих формах слов: *бурѡн* «добрым», *бурѡсь* «хорошие» и т. д. Но с точки зрения истории языка в этих словах второй гласный звук относится не к суффиксу, а к основе слова; раньше грамматическую функцию выполнял согласный звук без предшествующего гласного; слово расчленялось на морфемы следующим образом: * бурѡ-н8, * бурѡ-с8. Впоследствии граница между морфемами изменилась, конечный гласный звук основы примкнул к суффиксам, произошел процесс переразложения, вызванный отпадением конечного гласного суффикса: *бурѡ-н8* → *бур-ѡн*, *бурѡ-с8* → *бурѡсь*¹.

Аналогичную историю в отношении гласного звука в составе пермского суффикса элатива *-ысь* видит профессор Д. Фукс, который пишет, что гласный *-ы (-и)* в элативном суффиксе первоначально являлся конечным гласным основы² и, следовательно, оказался в суффиксе элатива в результате отпадения гласного из состава основы и присоединения к суффиксу *-сь*.

Суффикс элатива в пермских языках в том виде, в котором мы застаем в современных коми и удмуртском языках (в виде сочетания гласного *ы* и согласного *сь*) сложился еще в глубокой древности, в эпоху общепермского языка-основы. Об этом говорит то обстоятельство, что суффикс *-ысь* имеет устойчивый фонетический облик и одинаковое употребление как в коми, так и в удмуртском языках, несмотря на то, что пермские языки после распада пермской языковой общности прошли почти тысячелетний путь обособленного развития.

Каким был суффикс пермского элатива до отпадения конечного гласного основы? Есть основание говорить, что было время, когда в общепермском языке-основе употреблялся в качестве элативного суффикса *-сь*. На это указывают коми наречия типа *сэсь* «оттуда» (*сэ* — корень, ср. *сэн* «там»), *кысь* «откуда», а также лично-притяжательная парадигма коми языка, которая хорошо сохранила суффикс элатива без гласного элемента (*горт-сьым* «из моего дома», *горт* «дом», *-сь* — суффикс исходного падежа, *-ым* — лично-притяжат. суффикс 1 л. ед. ч.). На это также указывают вторичные *сь*-овые падежи, в частности, суффикс эгрессива *-сянь*, в котором элемент *сь* восходит к суффиксу элатива *-сь*.

Если вопрос о происхождении гласного *ы* в суффиксах *-ысь* и *-ысьт* как будто не является дискуссионным, более сложным является вопрос о генезисе *сь*-ового элемента, который содер-

¹ В. И. Лыткин. Историческая грамматика..., стр. 67.

² D. J. Fuchs. Beiträge zur grammatik der permischen sprachen. Journal de la société finno-ougrienne. XXX, 14, стр. 6—7.

жится в обоих указанных суффиксах. В литературе, начиная с 10-х годов XX века, наметились два различных взгляда по данному вопросу. Синней рассматривал пермские суффиксы элатива -*сь* и -*сьт* в одной группе с прибалтийско-финско-волжскими *с*-овыми местными падежами¹, тем самым проводил мысль, что прибалтийско-финско-волжский показатель инессива -*с* и пермский падежный показатель -*сь* имеют общее происхождение. Вихман, посвятивший интересную статью о происхождении ряда пермских падежных суффиксов, придерживался взгляда, что для сопоставления прибалтийско-финско-волжских падежей на -*с* с пермским элативом -*сь*, -*сьт* нет достаточных фонетических оснований².

В современных финно-угорских языках, кроме пермских, нет падежного показателя в виде мягкого *с* (*с'*)³. Однако прибалтийско-финские и волжские языки имеют серию внутриместных вторичных падежных суффиксов, имеющих в своем составе *с*-овый элемент. Таковы суффиксы инессива -*ssa* (из -*spa*), элатива -*sta*, иллатива -*hen*, -*sen* в финском языке; инессива -*ca*, -*co* (в диалектах -*sne*), элатива -*sta*, -*sto* в мордовском языке; марийского инессива -*што* (из -*шно*) и элатива -*шеч*⁴. По способу образования эти суффиксы представляют собой контаминацию первичных падежных показателей, из которых стержневым выступает *с*-овый инессив.

Уже отмечалось, что Синней склонен был утверждать, что между прибалтийско-финско-волжским *с* и пермским *с'* есть генетическая связь. Возникает вопрос, можно ли фонетически объяснить такое соответствие?

При рассмотрении финно-угорских этимологий выясняется, что соответствие прибалтийско-финско-волж. *с* ≈ пермск. *с'* не находит подтверждения. Этимологии показывают, что пермское *с* соответствует мордовскому *с*, финскому *s*, марийскому *ш*, также как пермское *с'* соответствует мордовскому *с'* (не *с!*), финскому *s*, марийскому *ш*. Фонетисты пока не нашли такой закономерности, чтобы, например, мордовское *с* соответствовало коми-удмуртскому *с'*. Приведем примеры:

ф.-уг. * *с*⁵: кз. *сы*, *сийō* «он, тот», морд. *сон*;

кз. *сов* «соль», удм. *сылал*, морд. *сал*;

кз. *сыл*, *сыв* «сажень», удм. *сул.*, морд. *сэл*, фин. *syli*;

кз. *сōн* «жила», морд. *сан*, мар. *шōн*, фин *suoni*;

кз. *сод* «лестница», морд. *сэд*, *с'эд'*;

¹ Szinnyi. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 67.

² Wichmann. Zur permischen Grammatik. Finnisch-ugrische Forschungen, XVI, 162—163.

³ Апостроф (') над буквой обозначает мягкость (палатальность) согласного.

⁴ Szinnyi. Указ. соч. стр. 66—67.

⁵ Звездочка (*) обозначает, что звук или форма реконструируется путем сравнения данных родственных языков.

кз. *сõн* «жёлчь», морд. *сәне*;
 кз. *са* «сажа», удм. *су*, морд. *сод*;
 кз. *сывны* «растаять», морд. *соламс*;
 кз. *сын* «язык», удм. *сон*, морд. *сэнэй*, фин. *säynäva*;
 кз. *сэтõр* «смородина», удм. *сутәр*, мар. *шонтәр*,
 морд. *шукштуру*.

ф.-уг. * *с'*: кз. *с'ур* «рог», удм. *с'ур*, морд. *с'ура*, фин. *sarvi*;
 кз. *с'ин* «глаз», морд. *с'ел'ме*, фин. *silmä*;
 кз. *с'о* «100», удм. *с'у*, морд. *с'ада*, мар. *шыдõ*, фин. *sata*;
 кз. *с'ув* «кишка», удм. *с'ул*, морд. *с'ула*;
 кз. *с'ой* «глина», удм. *с'уй*, морд. *с'овон'*, фин. *savi*;
 кз. *с'õлавны* «плевать», морд. *с'ел'гомс* «плюнуть»;
 кз. *с'из'им* «7», морд. *с'ис'ем*, мар. *шем*, *шим*, фин. *seitseman*;
 кз. *пõс'* «горячий, жаркий», морд. *пс'и*;
 кз. *с'ер* «узор», морд. *с'орма* «узор, письмо»;
 кз. *костыны* «сушить», морд. *кост'фтамс*;
 кз. *с'ис'* «воск», удм. *с'ус'*, мар. *шиштэ*, морд. *кшта*,
шта;
 кз. *с'ойны* «кушать» (диал. *с'овам* «покушаем»),
 морд. *с'ивомс*;
 кз. *мыс'кыны* «мыть», морд. *мус'комс*;
 кз. *с'ылі* «шея», морд. *с'алдаз*;
 кз. *юс'* «лебедь», морд. *локс'т'и*;
 кз. *с'ув-чõж* «вид утки», удм. *с'улы*, морд. *с'улго*,
 манс. *сэл'*;
 кз. *с'ура-рок* «охотничья каша», мар. *шурас* «кру-
 па», морд. *с'ора* «хлеб в зерне», фин. *suurimo*;

Количество этимологий можно было бы увеличить. Тем не менее мы не можем найти подтверждений для соответствия мордовского *с* коми-удмуртскому *с'*. Поэтому фонетически обосновать генетическое родство общепермского элативного показателя *-сб* с прибалтийско-финско-волжским инессивом *-с* не представляется возможным.

Кроме того, есть другие факты, которые не располагают к сближению рассматриваемых прибалтийско-финско-пермских морфем. Известно, что в прибалтийско-финских и волжских языках *с*-овые падежи образуют систему внутриместных падежей (местный, исходный, вступительный, например, финск. *-ssa*, *-sta*, *-sen*), тогда как в пермских языках система внутриместных падежей возникла из совершенно различного по происхождению материала: суффикс местного падежа *-ын* возник на базе финноугорского локатива *-н*, суффикс вступительного падежа *-õ* — на базе *к*-ового латива, суффикс исходного падежа *-ысь* — на базе какого-то *с'*-ового показателя. Если бы система прибалтийско-финских и волжских *с*-овых падежей возникла в более древние периоды, в эпоху прибалтийско-финско-пермского языка-

основы, то в пермских языках должны были остаться следы этой системы, следы *с*-овых падежей. Таких следов нет ни в современных коми и удмуртском языках, ни в древнепермских текстах, поэтому можно утверждать, что *с*-овые падежи в мордовском, марийском и прибалтийско-финских языках возникли после отделения балто-волжских финно-угров от древних пермян и *с*-овый показатель не имеет генетической связи с общепермским *сб*-овым показателем.

Эти обстоятельства дают основание говорить, что элемент *сб* в составе суффиксов элатива *-ысь*, *-ысьт* возник на почве общепермского языка-основы спонтанно, независимо от прибалтийско-финско-волжского падежного показателя *с*.

Трудно говорить определенно о том, из какого морфологического материала или лексемы возник *сб*-овый показатель. Можно лишь предположить, что *сб*-овая морфема является реликтом какого-то односложного корня с местной семантикой. Обращает на себя внимание тот факт, что, возникнув, *сб*-овый показатель выработал очень устойчивую отделительно-исходную семантику, которая наличествует не только в элативе *-ысь*, *-ысьт*, но сохраняется в ряде производных падежных показателей, например, в суффиксах кз. *-лысь*, удм. *-лэсь*, кз. *-сянь*, *-ысьöдз*, удм. *-ысен*, *-сянь*, о происхождении которых мы будем говорить позже.

Остановимся на суффиксе *-ысьт*, который наличествует в удмуртской лично-притяжательной парадигме. Его функции аналогичны функциям суффикса *-ысь*: и тот, и другой суффикс являются одинаково продуктивными и выражают движение от предмета. Элементы *ы* и *сь* в суффиксе *-ысьт* безусловно имеют то же происхождение, что элементы *ы* и *сь* в суффиксе *-ысь*. Особняком стоит элемент *т*, возникновение которого в составе суффикса элатива требует специального разбора.

Суффикс *-ысьт* живым падежным показателем выступает только в удмуртском языке, в коми языках ему соответствуют суффиксы *-ысь*, *-сь*. Однако финно-угроведы (Синнеи, Вихман, Утила, В. И. Лыткин) отмечают, что элатив с элементом *т* был также в коми языке, и приводят в качестве примера деэтимологизированное наречие *вöлисьти* «наконец» и послелог *мысьти* «после». Коми языковедами В. А. Сорвачевой и Т. И. Жилиной была найдена еще серия диалектных наречий, которые более ярко обнаруживают свое происхождение и морфологический состав. Имеются в виду следующие наречия, употребляющиеся в удорских говорах: *асулисьтöм* «с утра», *пониисьтöм* «с детства», *первейсьтöм* «с первого раза, сначала», *öниисьтöм* «с данного момента»¹. Эти наречия образовались от основ *асул* «утро», *пони* «маленький» *первей* «первый», *öни* «теперь» и содержат элативную семантику. Можно предположить, что в перечисленных наречиях имеются показатель

¹ Примеры взяты из «Сравнительного словаря коми диалектов» (рукопись). Фонд Коми Филиала АН СССР.

элатива *-ись* и показатель каритива *-тõм* (*асул-ись-тõм*), однако такое предположение несостоятельно в виду того, что указанные наречия не имеют лишительной семантики и их нельзя ставить в один ряд с прилагательными типа *ватõм* «безводный», *пельтõм* «глухой» и т. д. Поэтому более реальным нужно считать предположение, что наречия типа *асулисътõм* являются образованиями, имеющими в своем составе суффикс элатива *-исът*, который и сообщает этим наречиям исходную семантику. Таким образом, наречиям типа *асулисътõм* «с утра» можно дать следующее морфологическое членение: *асул-исът-õм*. Что касается элемента *-õм* в данных наречиях, то он, по-видимому, является каким-то непродуктивным, застывшим суффиксом; аналогичный суффикс (звуковой комплекс) находим в ряде коми местоимений, когда их будем сравнивать с соответствующими местоимениями удмуртского языка: кз. *татшõм*, удм. *татше*¹ «такой», кз. *кутшõм*, удм. *кытше* «какой». Показатель *м* появляется также в некоторых диалектных словах типа вв. *мындõм* «сколько», *медсьõм* (уна) «больше всего».

К группе элативных образований с суффиксом *-исът* относится, возможно, также коми наречие *пырысьтõм-пыр* (в краткой форме *пырысь-пыр*) «сразу, сейчас же, мгновенно», в котором повторение основ придает наречию усилительный оттенок. Аналогичные усилительные элативные конструкции распространены в коми языке (*лунысь-лун* «изо дня в день», *воысь-во* «из года в год»).

Эти наречия, образованные в прошлом с помощью суффикса *-исът*, подтверждают мысль о том, что элатив с суффиксом *-исът* наличествует не только в удмуртском языке, но был также в коми языке, хотя оставил очень незначительные следы в виде нескольких наречий с временным значением.

Исследователи финно-угорских языков утверждают, что элемент *т* в суффиксе *-исът* унаследован из допермских эпох и имеет генетическую связь с общефинно-угорским отделительным падежом (аблативом) на * *т*².

Такое утверждение имеет свои основания. Следы от финно-угорского аблатива * *т* остались во многих языках, а в некоторых языках имеются живые *т*-овые падежи. Приведем соответствия,

¹ Удмуртские аффрикаты по полиграфическим причинам передаются сочетаниями букв *ти, дз, дж*.

² См. Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 57, 67; Wichmann. Zur permischen grammatik. FuF. XVI, стр. 162—163; Г. Iotila. Zur geschichte des konsonantismus in den permischen sprachen. Хельсинки, 1933, стр. 65, 314; В. И. Лыткин. Примечания к книге Д. В. Бубриха «Историческая морфология финского языка (приложение к журналу «Известия АН СССР, отделение литературы и языка»», стр. 7.

По данному вопросу имеются также другие мнения. См. D. R. Fuchs. Zur etymologie der syrj. postpositionen *-мысь, -мысьт...* (Finnisch-ugrische Forschungen. Bd. XVIII); Fokos-Fuchs. Etymologisches aus den permischen Sprachen (Ural-Altaische Jahrbücher. Bd. XXVIII, Hf. 3-4, 1956).

данные Синнеем¹: финск. *-ta, -tä* — *luota* «от», ср. *luona* «у», *alta* «из-под (чего-нибудь удаляться)»; живым *т*-овым падежом является паритив: *verta* «кровь» (в значении частичного прямого объекта); лапл. *-t, -dэ*: *аллеет* «с запада», *над'д'еет* «сверху»; морд. аблатив *-да, -до*: *алда* «снизу», *толгада* «из перьев», *ошта* «от города»; мар. *-тс, т'с'* — ч. *мундырчын* «издалека, издали», *лишыч* «из ближнего места». К этому же ряду надо отнести удмуртские формы в элативе *йырысьтыз* «со своей головы», *коркаысьтым* «из своего дома» и коми наречия типа *асулысьтӧм* «с утра».

Во всех приведенных формах аблативный показатель *-т(-д)* имеет устойчивый фонетический облик и единую отделительно-исходную семантику. Поэтому можно говорить о том, что материальная частица *т(д)* в данных примерах имеет общность происхождения.

Однако, мало сказать, что *т*-овый элемент в суффиксе *-ысьт* имеет древнее происхождение и связан со своим предком, *т*-овым аблативом, генетическим родством. Остается невыясненным, почему в пермских языках, особенно в удмуртском, стали употребляться две разновидности суффикса элатива: *-ысь* и *-ысьт*; чем вызвана контаминация *сь*-ового элатива и *т*-ового аблатива, в результате которой возник суффикс *-ысьт*; почему суффикс *-ысьт* в коми языке и его диалектах не получил широкого распространения и оставил незначительные следы.

Наличие двух элативных суффиксов можно объяснить фонетическими причинами, а именно: в эпоху общепермского языка основы могла произойти контаминация древнего аблативного суффикса *-т* и пермского показателя *-сь*, в результате чего возник суффикс *-ысьт* с аблативно-элативной семантикой (один из суффиксов мог содержать общее, другой — частное, конкретное значение); этот суффикс в одних фонетических условиях (в середине слова) сохранялся в полном виде (удм. *йырысьтыз* «со своей головы»), в других фонетических условиях (в конце слова) он «выветривался», *т*-овый компонент выпадал, и суффикс исходного падежа приобретал форму *-ысь* (удм. *йырысь* «с головы»).

Такое толкование имеет определенные основания. Звукосочетания типа *сьт, ст, шт* и вообще стечения согласных звуков в конце слова являются нехарактерными для коми и удмуртского языков и разрушаются. Например, в коми наречии *вӧлысьти* «наконец» сочетание *сьт* сохраняется, если оно находится в середине слова, но как только группа *сьт* оказывается в конце слова, *т*-овый компонент выпадает (диалектные формы *вӧлысьти, вӧлысьт, вӧлысь*). Аналогичные примеры можно найти в удмуртском языке, где, например, русское слово *крест* приобрело форму *кирос* «крест».

Тем не менее фонетическое объяснение происхождения суффикса *-ысь* (из суффикса *-ысьт*) не является безупречным; оно

¹ См. Szinnyei. Указ. соч., стр. 56—57.

может встретить следующие возражения: если сочетание согласных *сбт* разрушается в конце слов, но сохраняется в середине слова, почему суффикс *-ысбт* в лично-притяжательной парадигме коми языка не сохранился, хотя для сохранения фонетические условия имелись, т. е. почему коми говорят, например, *керкасьыд* «из твоего дома», *юрсьыс* «со своей головы», а не *керкасьтыд* и *юрсьытыс*? Далее, почему в серию вторичных *сб*-овых падежных суффиксов, возникших на базе элативного суффикса, вошел *сб*-овый, а не *сбт*-овый элатив, хотя для этого также имелись определенные фонетические условия, т. е. почему коми говорят, например, *керкасянь* «от дома», а не *керкасьтань*?

Эти вопросы заставляют смотреть на происхождение суффиксов *-ысбт* и *-ысь* иначе, не только и не столько как на результат фонетического процесса: *-ысбт* *ысь*.

Представляется более вероятным, что в раннее общепермское время возникли и параллельно употреблялись два показателя исходного падежа: *-сь* и *-сбт*. В одном из них, в суффиксе *-сбт*, получилась контаминация двух показателей, имевших приблизительно одинаковую семантику¹.

Также можно предположить, что функции двух показателей элатива на первых порах их существования были в какой-то степени дифференцированы. Например, элатив с *т*-овым элементом мог быть наследником финно-угорского аблатива и выражал комплекс общеотделительных значений, элатив *-сь* (без элемента *т*) мог выражать конкретное местно-исходное значение. Некоторые семантические (функциональные) различия между *-сбт* и *-сь*, которые могли иметь место, не говорили о том, что не было близости и родства между ними. Эта близость проявлялась как по генетической линии (общность *сб*-ового элемента), так по линии значения (идея отделения, удаления).

Параллельное употребление двух элативных суффиксов в коми языке не сохранилось. Это, по-видимому, объясняется тем, что элатив с суффиксом *-сбт* (по данным современных коми диалектов и системе вторичных *сб*-овых падежей) не был распространенным и устойчивым; он был, возможно, даже локально ограниченным явлением. Исчезновению этого суффикса также способствовали фонетические факторы, которые рассматривались выше. Суффикс *-сь*, по-видимому, был более употребительным элативным показателем в масштабе пермских языков. По мере исчезновения суффикса *-сбт* возрастала употребительность суффикса *-сь*. В период, когда стали возникать вторичные *сб*-овые падежи, элатив

¹ Удвоение однозначных или близких по семантике суффиксов, по-видимому, не было неестественным в пермских языках. Например, в наречиях кз. *татон*, удм. *татын* «здесь», кз. *кытон* «где» можно увидеть два показателя локатива (*-т* и *-н*): *та-т-он*, ср. *та-т-ысь* «отсюда», *та-н* «здесь», *та-сь* «отсюда» и т. д.

О локативе *-т* в пермских и других финно-угорских языках см. В. И. Лыткин. Примечания к книге Д. В. Бубриха..., стр. 5—6.

с суффиксом *-сь* был уже господствующим показателем исходно-отделительного значения; именно он вошел в состав эгрессивного суффикса *-сянь*, он также мог войти в суффикс сравнительного падежа *-ся*. Суффикс *-сьт* в коми языке и его диалектах сохранился лишь в виде реликта в незначительной группе темпоральных наречий. Удмуртская лично-притяжательная парадигма сохранила элатив *-сьт* (*йырысьтыз* «со своей головы»); тем не менее нельзя сказать, что в удмуртском языке остались следы былой дифференцированности значений элатива *-сь* и *-сьт*, возможность которой мы допускаем.

Резюмируем кратко вышеизложенное:

1. Суффикс исходного падежа в пермских языках имеет следующие разновидности: кз. кп. удм. *-ысь* (*-ись*), кз. кп. *-сь* (в лично-притяжательной парадигме), удм. *-ысьт* (в лично-притяжательной парадигме), кз. *-ысьт* (в отдельных диалектных наречиях).

2. Возникновение гласного элемента *ы* в суффиксах элатива объясняется процессами пермского вокализма, в частности, отпадением конечного гласного основы и переходом его в состав суффиксальных морфем.

3. Этимологические сопоставления показывают, что *сь-овый* элемент не имеет генетической связи с прибалтийско-финско-волжским инессивным суффиксом *-с* и является особым падежным суффиксом, возникшим спонтанно в недрах общепермского языка-основы.

4. Элемент *т* в составе суффикса *-ысьт* исследователи (Синен, Вихман, Утила, В. И. Лыткин) связывают генетически с финно-угорским аблативом * *т*. Это положение подтверждается некоторыми новыми диалектными материалами, в частности, удорскими темпоральными наречиями типа *асулысьтӧм* «с утра».

5. Суффикс *-ысьт* является результатом контаминации *сь-ового* элатива и *т-ового* аблатива. Семантически такая контаминация вполне объяснима: *сь-овый* элемент мог выражать конкретное местно-исходное движение, тогда как *т-овый* показатель мог иметь значение общего отделения, неместные значения.

6. Наличие двух элативных суффиксов (*-ысь* и *-ысьт*) можно объяснить параллельным их возникновением в недрах общепермского языка-основы. Элатив *-ысьт* мог быть локально ограниченным и мало употребительным суффиксом; он в коми языке исчез, оставив незначительные следы.

Отдалительный падеж, его семантика и происхождение

В современных коми и удмуртском литературных языках и диалектах суффикс отдалительного падежа (эгрессива) имеет несколько разновидностей. Общепермским является суффикс *-сянь* (также кз. диал. *-сень*). Примеры:

кз. лит. вв. с. печ. уд. *потийӧссиянь* «от изгороди», *мортсянь* «от человека», *керкаяссияньыд* «от твоих домов», *гортсяньыд* «от

твоего дома», л. *меямсянь* «от меня», нв. (Гам, Жешарт) *школа-сень* «от школы», вс. *гортсень* «от дома»;

кп. лит. *месянь* «от меня», лун *ладорсянь* «с юга», *сбörсяняс* «с собой» («Миян луннезö», 11), юсьв. *воннымсянь* «от нашего брата», кс. *деревнясянь* «от деревни», иньв. (по В. А. Сорвачевой) *невестасень* «от невесты»;

дп. *велтыдаланінсянь* «с неба»¹;

удм. (в наречиях и послелого с локативным показателем *ла*) *улласянь* «снизу», *вылласянь* «сверху», *таласянь* «с этой стороны», *шур ласянь* «от реки», *сбör ласянь* «сзади» (Удмуртско-русский словарь, М., 1948).

В некоторых именах и наречиях коми языка суффикс отдалительного падежа имеет гласный элемент *ы*. Например: кз. *томысянь* «с молодых лет» (том «молодой»), *векысянь* «исстари», *важысянь* «издавна» (*важ* «древний, старый»), *ичöтысянь* «с детства» (*ичöт* «маленький»), наречия *татысянь* «отсюда» (ср. *татöн* «здесь»), *сэтысянь* «оттуда» (ср. *сэтöн* «там»), *кытысянь* «откуда» (ср. *кытöн* «где»), *матысянь* «с близкого расстояния» (ср. *матö* «близко»).

Локально ограниченным суффиксом отдалительного падежа является *-ысен*, употребляющийся в удмуртском языке: удм. лит. *мышкысен* «сзади», *куалаысен* «от шалаша», *станцыысен* «от станции»; елабуж. *сюрес вылысен* «на дороге» (Вихман, *Wotjakische Chrestomathie*, стр. 26), малм. -урж. *татйсен* «отсюда» (там же, 38); глазов. *коркасеным* «от моего дома» (там же, 5), *туннэ нуналысен* «с сегодняшнего дня» (там же, 138). Суффикс *-ысен* (иногда *-сен*) в удмуртском языке более продуктивен по сравнению с суффиксом эгессива *-сянь*, сфера употребления которого ограничена наречными формами на *ла*.

Локально ограниченным суффиксом эгессива является также *-ысьöдз* (*-иседз*), который встречается лишь в некоторых говорах коми языка — летских (с. Слудка), удорских (по р. Вашке) и верхне-вымских². Примеры: вым. *ме Веслянаысьöдз öти лунön локті* «я за один день прошла от с. Весляна (до данного места)»; уд. (Верхняя Вашка) *куръяас тывсö чöвтисны вомиседзыс* «в залив закинули невод от устья», лет. (Слудка) *ичöтыседз ме батыг-мамтöг быдми* «с малых лет я рос без отца и матери»; в наречиях: уд. *сбölöмиседз* «от всего сердца» (Сравнительный словарь коми диалектов, рукопись), уд. (Глотово) *сэтисьöдз*, лет. *сэтыседз* «оттуда», уд. *тытиседз* «оттуда», вым. *векысьöдз* «издавна, исстари» (там же), иж. *öныседз* «с этого времени» (Вихман, *Syrjänischer Wortschatz*).

¹ В. И. Лыткин. Древнепермский язык, М., 1952, стр. 104.

² Об этом суффиксе и его значении см. в работах В. А. Сорвачевой и Т. И. Жилиной, опубликованных в «Лингвистическом сборнике», выпуск 2, Сыктывкар, 1952 и в «Историко-филологическом сборнике», выпуск 3, Сыктывкар, 1956.

Таким образом, 'отдалительный падеж в коми и удмуртском языках имеет следующие суффиксы: кз. кп. удм. -сянь, удм. -ысен и кз. диал. -ысьбӧдз (-иседз).

Отдалительный падеж характерен тем, что имеет незначительный семантический диапазон. Имя в отдалительном падеже обозначает или начальный пункт удаления от предмета, или начальный момент движения во времени. Это значение эггессива отмечается как в коми, так и в удмуртском языках. Приведем примеры:

кз. лит. *тыв чӧвтӧс берегсянь* (фолькл. сб. Плес. 62) «закинул он невод с берега»; *тӧвныр локтӧс рытыввойсянь* (Кык п. 60) «ураган пришел с северо-запада»; *водз асывсянь да пемыдӧдз* (Кык п. 25) «с раннего утра до наступления темноты»;

кп. лит. *нывкаез локтӧс вартанӧсянь* «девушки возвращались с молотбы»; *ня кывлӧс чериалиссезсянь* («Миян луннезӧ», 73) «они слышали от рыбаков»; *учӧтсянь велалӧ* (там же. 76) «с детства я привык»;

удм. лит. *Чульяысен Аныкозь ог ныль ыськем* («Вуж Мултан», 117) «От Чульи до Аныка приблизительно четыре версты»; *кык ласянь узато* (там же, 147) «с двух сторон натравливают»; *тишукнаысен джытозь зориз* «с утра до вечера шел дождь»; *со дырысен Дроздов доры кожамысь дугдӧз* («Вуж Мултан», 167) «с тех пор он перестал заходить к Дроздову».

Отдалительный падеж употребляется также для выражения причинных отношений; такое употребление отмечается в коми-пермяцком языке и отчасти в некоторых говорах коми-зырянского языка. Например: кп. лит. *гӧрдӧтӧс аслас висьталӧм кыввезсянь* («Миян луннезӧ», 80) «покраснел от своих слов»; *котӧртӧм бӧрсянь сьӧкыта лолалӧмӧн* (там же, 19) «запыхавшись от бега»; *ыджыд скоростсянь колесоез нильдӧс веськыт бокас* (там же, 13) «из-за большой скорости колеса скользнули на правую сторону»; кз. лет. (Слудка) *вомдоръяс жарсяньыс лӧмӧссисны* «из-за высокой температуры губы обметало», вс. *жарсенъыс он пондӧс локны* «от жары захотелось спать»¹. В коми-зырянском языке причина обычно выражается исходным падежом, поэтому диалектное употребление эггессива для выражения причинных отношений, по-видимому, является результатом «разгрузки» многофункционального исходного падежа.

Весьма специфичным является употребление эггессива в локативном значении, которое очень редко встречается в удмуртских текстах. Например: удм. лит. *Со сярись Быков гырон дорысен ык тодӧз* («Вуж Мултан», 129) «Об этом Быков узнал только на пахоте»; *Мултан базарысен адзиськеммы бере ялан тон сярись малпай* (там же, 120) «После встречи на мултанском базаре я всё время думаю о тебе»; *Толон арестованнойёсты Мултанэ вайыкузы Олӧшлэн атаэз урамисен пумиськем Исьтоклы тамак*

¹ Примеры взяты из материалов Т. И. Жилиной и В. А. Сорвачевой.

мед ваёзы шуэм (там же, 206) «Вчера, когда вели арестованных в Мултан, отец Алексея сказал Исытоку, встретившемуся на улице, чтобы принесли табак»; *Сюрес вылысен врачлы со дугдылытэк мадиз удмуртёслэн «адями вёсян сямзы» сярсы* (там же, 173) «В дороге он не умолкая рассказывал врачу сказки про «обряд жертвоприношения» удмуртов; *Школа паласен дышетйсез адзи* (Удмуртско-русский словарь, М., 1948, 230) «Я увидел около школы учителя»; *Ульчаысен Павел эркын лулскиз но картуззэ пыдлö дзибиз* (Грамматика удмуртского языка, часть I, для 5—6 кл.) «На улице Павел свободно вздохнул и глубже надвинул кепку».

В этом своеобразном употреблении эггессива в функции локатива, по-видимому, отражаются архаические черты, связанные с возникновением и формированием суффикса *-ысен*, о котором мы будем говорить ниже. Обращает на себя внимание также то, что в приведенных конструкциях эггессивом управляют глаголы восприятия и узнавания (*тодыны* «узнавать», *адзыны* «увидеть, встретиться», *пумиськыны* «встретить» и т. д.), которые в коми языках обычно управляют исходным падежом (ср. кз. *аддзим вöрысь «увидели в лесу»*).

О возникновении суффиксов эггессива имеется много высказываний финно-угристов. Наиболее развернуто о суффиксах *-сянь* и *-ысен* пишет венгерский ученый Д. Фукс в статье «К этимологии зыр.-вот. сиффикса эггессива»¹, в которой дает краткий обзор литературы по данному вопросу. Рассмотрим, как произошли суффиксы *-сянь*, удм. *-ысен*, кз. диал. *-ысьбöдз*.

Во всех трех суффиксах имеется элемент *сь*, который ясно обнаруживает следы своего происхождения: он восходит к суффиксу исходного падежа *-сь*, *-ысь*. Такое объяснение подтверждается не только фонетически (тем, что мягкое *с* в суффиксе *-ысь* (*-сь*) соответствует мягкому *с* в суффиксах *-сянь*, *-ысен*, *-ысьбöдз*), но и семантическими сопоставлениями. Сравнение функций исходного и отдалительного падежей показывает, что их значения во многом сходны: оба падежа выражают движение от предмета (ср. кз. *сийö воис кыйсянінысь* «он пришел с охоты» и *сийö воис кыйсянінсянь* «он пришел с охоты»). Близость значений проявляется также в том, что эггессивом и элативом обычно управляют одни и те же глаголы движения: *локны* «возвращаться», *петны* «выйти», *воны* «прибыть», *лэччыны* «спуститься», *кайны* «подняться» и т. д.

Такая семантическая близость (при некоторых различиях) не может быть случайной и объясняется тем, что суффиксы отдалительного падежа *-сянь*, *-ысен*, *-ысьбöдз*, возникнув на базе показателя элатива *-сь*, *-ысь*, унаследовали местно-отдалительное значение, которое содержал и ныне содержит элатив *-сь*, *-ысь*. Это

¹ D. Fuchs. Beiträge zur grammatik der permischen sprachen. 4. Zur etymologie des syryj.-wotj. egressivsuffixes. JSFOu, XXX, 14. стр. 6—10.

означает также, что эгрессивные суффиксы в пермских языках являются вторичными падежными суффиксами, появившимися на свет в результате контаминации *сь*-ового элатива с другими элементами (*ань—нь, ен, öдз*).

В суффиксе *-сянь* вторым компонентом многие лингвисты (Кастрен, Синней, В. И. Лыткин) видят показатель древнего направительного падежа (латива) *-нь*, следы которого имеются и в пермских, и в других финно-угорских языках. Синней дает следующую картину следов этого латива: лапл. *-н'и, -н, -ы: мун'и* «мне» и т. д., фин. *-n: miehen* «мужчине», мар. *-н: пелен* «к, на», удм. *-н': йöрынь* «по направлению к...», коми *-н': кыминь* «лицом вниз (упасть)»¹. Проф. В. И. Лыткин к этому же ряду относит элемент *н'* в суффиксе мокша-мордовского датива *-н'д'и: Ваняньди* «Ване, к Ване», а также эрзя-мордовский показатель *-н'* в наречии *козонь* «куда»².

Известно, что проф. Д. В. Бубрих отрицал существование самостоятельного лативного показателя *-нь* и сводил его к разновидности финно-угорского локатива *-н'*³. Однако отрицать самостоятельность и былую продуктивность *нь*-ового латива, в частности, в пермских языках, нет достаточных оснований. Кроме приведенных примеров, можно указать на ряд коми наречий с суффиксом *-нь*, отчетливо сохранивших свое направительное значение, а именно: *кытчань* «куда, в какую сторону (идти)», ср. *кытчöдз* «до какого места»; *сэтчань* «туда, в ту сторону», ср. *сэтчöдз* «дотуда»; *татчань* «сюда, в эту сторону», ср. *татчöдз* «досюда» (Коми-русский словарь. Сыктывкар, 1948). В диалектах зафиксировано слово *асань* «восточный, на восток», ср. *асыв* «утро», *асъя* «утренний» (Сравнительный словарь коми диалектов, рукопись). Латив в суффиксом *-нь* участвовал в образовании вторичных падежных суффиксов, в частности он вошел в суффикс *-лань*: кз. кп. *вöрлань*, удм. *нюлэслань* «к лесу, в сторону леса».

Участие латива *нь* в образовании эгрессивного суффикса *-сянь* и в фонетическом, и в морфологическом отношении хорошо доказывается. Раз в пермских языках самостоятельный латив на *-нь* существовал и он имел способность контаминироваться с другими суффиксами, он мог войти также в суффикс эгрессива *-сянь*, который содержит *нь*-овый элемент. Труднее найти семантические основы композиции из элативного и лативного суффиксов. В частности, возникает вопрос, почему отдалительный падеж *-сянь* имеет значение удаления от предмета и не содержит ожидаемой направительной семантики (мы не можем в форме *кар-сянь* «от города» выделить значение «куда»). Далее, по каким причинам эгрессив оказался контаминацией таких суффиксов,

¹ J. Szinnyeí. Указ. соч., стр. 62.

² В. И. Лыткин. Примечания к книге Д. В. Бубриха..., стр. 5.

³ Д. В. Бубрих. Историческая морфология финского языка. М.—Л., 1955, стр. 20.

значения которых прямо противоположны и взаимно исключают друг друга?

Прежде чем объяснить происхождение эггессива *-сянь*, необходимо остановиться на диалектной разновидности суффикса эггессива *-ысьööдз* (*-иседз*), отмеченной в некоторых говорах Удоры, верхней Выми и Летки. В. А. Сорвачева и Т. И. Жилина, изучавшие эти говоры, отмечают, что суффикс *-ысьööдз* употребляется в указанных говорах наряду с суффиксом *-сянь* и что семантика этих суффиксов эггессива принципиально не отличается друг от друга. Например: лет. (с. Слудка) *ме талун Лэтыиседз лакті* «сегодня я пришел из села Летки»¹, *ме ю дорыседз васö вадзи* «я воду принесла с реки», вым. *воласны вöлі Волсяысьööдз да Межадорысьööдз* «приезжали бывало даже из Вотчи и Межадора»².

Представляет определенный интерес способ образования суффикса *-ысьööдз* (*-иседз*). Этот суффикс, безусловно, представляет собой соединение двух падежных показателей: исходного падежа *-ысь* и предельного падежа *-ööдз*. Семантика каждого компонента в отдельности известна: исходный падеж обозначает движение из (от) предмета (*карысь* «из города»), имя в предельном падеже указывает на предмет, до которого распространяется движение (*карööдз* «до города»). В целом эти суффиксы в отдельности имеют противоположные значения.

Таким образом, можно констатировать, что по способу образования и по противоположности значений компонентов два суффикса эггессива *-сянь* и *-ысьööдз* идентичны. Они близки друг к другу и в том отношении, что в показателях *-сянь* и *-ысьööдз* «выветрилось» значение вторых компонентов: ни в конструкции *локті карсянь* «пришел из города», ни в диалектной конструкции *лакті Лэтыиседз* «пришел из с. Летки» значение суффиксов *-нь* и *-ööдз* не ощущается.

Возникновение эггессива из первичных суффиксов, противоположных по значению, делает суффиксы *-сянь* и *-ысьööдз* исключительно оригинальным и интересным явлением не только в пермских языках, но и в масштабе других финноугорских языков, где, насколько известно, редко встречается контаминация суффиксов с противоположной семантикой.

Вторичные суффиксы *-сянь* и *-ысьööдз* возникли из первичных суффиксов для более точного выражения пространственных отношений. Необходимо иметь в виду, что до возникновения эггессива целый комплекс пространственных значений выражался исходным падежом: исходный падеж мог выражать движение из предмета, с предмета, от предмета, не говоря уже о серии неместных зна-

¹ Т. И. Жилина. О говоре с. Слудка. Историко-филологический сборник, вып. 3, Сыктывкар, 1956, стр. 82.

² В. А. Сорвачева. Введение к Сравнительному словарю коми диалектов (рукопись), фонд Коми Филиала АН СССР.

чений. Эгрессив выработался, вероятно, для того, чтобы в какой-то степени устранить многозначность элатива, и взял на себя очень специфическую функцию: одним падежным формантом обозначать начальный и конечный пункты движения, конкретные границы маршрута. Имя, например, с диалектным суффиксом *-ысьбѣдз* выражало исходную точку движения и одновременно подразумевало конечный пункт движения. Так, когда жители села Слудка говорили: *сийб лактіс Лэтысьбѣдз* «он прошел путь от села Летки», имели в виду, что пешеход вышел из села Летки и добрался до данного места, до села Слудки, т. е. мыслили, что начальным и конечным пунктами маршрута были с. Летка и с. Слудка. Так же конкретно, по-видимому, мыслилась когда-то конструкция *воис карсянь (татчѣдз)* «он прошел путь от города (до данного места)».

Можно дать также несколько иное объяснение возникновению падежных суффиксов *-сянь* и *-ысьбѣдз*, а именно: суффиксы *-нь* и *-ѣдз* еще до контаминации с суффиксом элатива *-сь*, *-ысь* могли в какой-то степени утратить свое основное значение и получить семантику уточнения места (семантику определенности), а затем уже произошла контаминация в виде суффиксов *-сянь* и *-ысьбѣдз*. Такое объяснение учитывает то обстоятельство, что в суффиксах *-сянь* и *-ысьбѣдз* значение «до», которое должны были им сообщить суффиксы *-нь* и *-ѣдз*, «выветрилось», а также то, что отдалительный падеж по сравнению с исходным падежом имеет более конкретную пространственную семантику. Например, коми элативные и эгрессивные конструкции типа *локтіс вартанінысь* (исх. п.) и *локтіс вартанінсянь* (отдал. п.) на русский язык переводятся одинаково («он возвратился с молотбы»), но говорящий на коми языке уловит некоторое различие в семантике этих конструкций. Оно состоит в том, что имя в исходном падеже здесь обозначает выход из определенного процесса (из процесса молотбы), тогда как имя в отдалительном падеже здесь обозначает место, уточняет пункт, от которого начинается маршрут движения (с места молотбы); во-вторых, в том, что конструкция с отдалительным падежом обычно выражает большую близость действия во времени и большую очевидность действия: *локтѣ вартанінсянь* говорят преимущественно тогда, когда видят, что человек только что покрыл расстояние от места молотбы до данного места, до места разговора. Все это говорит о том, что первичный *сь*-овый суффикс элатива, соединившись с суффиксами *-нь* и *-ѣдз*, имевшими ограничительное, уточняющее значение, стал более конкретен в своей семантике и приобрел новое качество, что проявляется в своеобразии функций отдалительного падежа.

В удмуртском языке общепермский суффикс отдалительного падежа *-сянь* является малоупотребительным формантом. В диалектах и литературном языке обычно употребляется суффикс *-ысен*, происхождение которого до сих пор остается невыясненным. Приведем важнейшие высказывания по данному вопросу.

Буденц полагал, что элементы *ен*, *ань* в суффиксах удм. *-ысен* и кз. кп. *-сянь* представляют собой эмфатические частицы (*emphatische partikel*) наподобие тех, которые имеются в марийских аблативных суффиксах *-чен*, *-лэчен*, *-гечен*¹. Такое толкование отрицает происхождение элементов *нь* и *эн* из первичных падежных формантов и, следовательно, то, что они в прошлом имели определенные падежные функции.

По мнению Аминова, удмуртский суффикс *-ысен* есть результат соединения суффиксов исходного и творительного падежей: *-ысен* = *ысь* + *эн*. В подтверждение своей мысли он приводил конструкции типа *иньмарисен, гидйсен нимоз одйк* «и на небе, и в конюшню с одним названием» (*толэзь* «месяц» и *толэс* «годовалая лошадь») и сравнивал их с конструкциями типа *дзиычен пуньен ваче пумит учко. — гурен косякен* «лиса и собака смотрят друг на друга. — печка и окно»². Представляется, что между этими конструкциями есть значительные семантические различия, которые не могут располагать к их сближению: в первом случае конструкция с суффиксами *-ысен* содержит локативное значение, во втором случае употребляется творительный падеж на *-ен* в социативном значении. В фонетическом отношении сближение элемента *ен* в суффиксе *-ысен* с суффиксом орудийного падежа *-ен* вполне правомерно, однако, как отмечает Д. Фукс, при такой трактовке остается вне поля зрения происхождение суффикса *-сянь*, который существует в удмуртском языке наряду с суффиксом *-ысен*.

Существует также фонетическое объяснение возникновения суффиксов *-сянь* и *-ысен*. Так, в «Современном коми языке» (Сыктывкар, 1955) пишется, что *-сянь* в коми языке возник из *сь* + *ан*, что смягчение *н* в коми языке произошло под влиянием *сь*, и сравнивается суффикс *-сянь* с удмуртским *-ысен*, где *н* не подвергся смягчению (стр. 148). Д. Фукс, основываясь на факте чередования *н* — *нь*, которое имеет место в пермских языках, в частности, в удмуртском языке (глазов, малм. *с'ин* «глаз» — елабуж. *с'ин'*; глазов, ин «небо» — елабуж. *ин'*, *ин*; *кымин* «навзничь» — *кемин'* ид., удм. *ноны* «грудь» — кз. *н'он'*) также предполагает, что суффиксы кз. *-сянь* и удм. *-ысен* могли возникнуть из одних и тех же морфем, но стали различаться в результате фонетических изменений³.

Однако эти объяснения не могут быть удовлетворительными. В трактовке происхождения эггессива необходимо исходить из того, что в удмуртском языке имеются оба суффикса эггессива: и *-сянь*, и *-ысен*. Если, например, в удмуртской форме *корка-ысен* «от дома» произошло отверждение конечного согласного, то почему этот же процесс не произошел в наречиях типа *азыласянь*

¹ Точка зрения Буденца изложена в статье: Д. Fuchs. Beiträge zur grammatik der permischen sprachen..., стр. 10.

² Изложение Аминова дано в той же статье, стр. 9.

³ D. Fuchs. Указ. соч., стр. 6—10.

«спереди», *берласянь* «сзади»? Или наоборот: если в коми суффиксе *-сянь* произошло смягчение *нь* под влиянием *сь*, то почему в удмуртском языке в одном случае произошел этот процесс (*азь-ласянь* «спереди»), а в другом случае это не произошло (*коркаысен* «от дома»)? Далее, как объяснить тогда возникновение гласного элемента *ы*, имеющегося в суффиксе *-ысен*, иными словами, как произошло приращение элемента *ы* к суффиксу *-сянь*? Эти вопросы в указанных работах остаются невыясненными.

Нам представляется, что удмуртский суффикс *-ысен* и происхождение его компонента *ен* необходимо рассматривать отдельно от эгрессива на *-сянь* и происхождения компонента *нь* в этом суффиксе. Если коми-удмуртский суффикс *-сянь* и коми диалектальный суффикс *-ысьöдз* могли сформироваться из различных вторых компонентов (*нь* и *öдз*), то не будет необычным предположение, что удмуртский суффикс *-ысен* возник путем контаминации элативного суффикса *-ысь* с каким-то третьим компонентом, например, с локативным показателем. Фонетически такое сближение легко доказуемо, так как суффикс местного падежа *-н* (*-ын*, *-эн*) совпадает с компонентом *-н* (*-ен*) в суффиксе отдалительного падежа *-ысен*. Значительно труднее найти семантическое обоснование контаминации элативного и локативного суффиксов. Если учитывать, однако, что в суффиксах *-сянь* и *-ысьöдз* произошло «выветривание» значений компонентов *нь* и *öдз*, то можно предположить такой же процесс и в суффиксе *-ысен*. Ныне функции и семантика суффиксов *-сянь* и *-ысен* в удмуртском языке одинаковы, но не исключена возможность, что в древнем удмуртском языке функции суффикса *-сянь* (возможно, унаследованного еще из общепермской эпохи) и более позднего, удмуртского суффикса *-ысен* несколько отличались друг от друга. Весьма вероятно, что удмуртские эгрессивные конструкции с локативным содержанием, о которых мы уже упоминали, являются реликтами былых функций суффикса *-ысен* и говорят о былой дифференцированности значений суффиксов *-сянь* и *-ысен*. Так как значения суффиксов *-сянь* и *-ысен* ныне не отличаются, нужно предполагать, что на каком-то этапе развития удмуртского языка произошла нивелировка и обобщение функций этих суффиксов, хотя различие в их фонетическом облике сохранилось.

Представляется возможным сделать определенный вывод, что в объеме пермских языков возникла серия эгрессивных суффиксов (*-сянь*, *-ысьöдз*, *-ысен*), однотипных по своей структуре. Во всех трех суффиксах эгрессива первым компонентом является элативный показатель *-сь*, *-ысь*, а вторым компонентом — суффиксы *-нь*, *-öдз*, *-н* с ограничительной семантикой. Каждый из данных суффиксов возник в условиях обособленного развития диалектов независимо друг от друга по одной и той же модели контаминации: первый компонент обозначал начало движения, вто-

рой компонент указывал на пункт, в котором завершается движение.

Хронология возникновения суффиксов *-сянь*, *-ысьбӧдз*, *-ысен* может быть установлена только в общих чертах. Определенные данные мы получаем при рассмотрении гласного элемента *ы* в указанных суффиксах. Бросается в глаза, что в состав суффикса *-сянь* элативный суффикс вошел без гласного элемента *ы*, в двух же других суффиксах элативный суффикс наличествует «в полном виде», с гласным элементом *ы*. Это показывает, что суффиксы *-сянь*, *-ысьбӧдз*, *-ысен* возникли не одновременно. Более древним (вероятно, общепермским) образованием является суффикс *-сянь*; он мог сформироваться тогда, когда суффикс исходного падежа еще не имел гласного элемента *ы*, т. е. *-сянь* возник до процесса перехода конечного гласного основы в состав суффикса *-ысь*. Суффиксы *-ысен* и *-ысьбӧдз* могли возникнуть после того, как суффикс исходного падежа получил фонетический облик *-ысь* (это произошло, по-видимому, в поздний период общепермского языка-основы). Образование суффиксов *-ысен* и *-ысьбӧдз*, вероятнее всего, произошло после распада пермского языкового единства, на почве обособленного развития коми и удмуртских диалектов. В коми языке наряду с суффиксом *-сянь* локально возник суффикс *-ысьбӧдз*, в удмуртском языке наряду с суффиксом *-сянь* выработался по традиционной модели суффикс *-ысен*, который с течением времени получил большее распространение и продуктивность, чем суффикс *-сянь*.

В заключение по данному разделу еще раз отметим следующее:

1. Отдалительный падеж (эгрессив) является общепермским падежом. Он не имеет параллелей в других финно-угорских языках. Суффикс отдалительного падежа имеет три разновидности: *-сянь* (общий коми-удмуртский суффикс), *-ысен* (удмуртский суффикс) и *-ысьбӧдз* (суффикс некоторых говоров коми-зырянского языка).

2. Показатели отдалительного падежа являются вторичными суффиксами, возникшими в результате соединения первичных (простых) суффиксов. Первым компонентом в суффиксах *-сянь*, *-ысьбӧдз*, *-ысен* является *-сь*, *-ысь*, генетически связанный с суффиксом исходного падежа. Перечисленные эгрессивные суффиксы унаследовали от элатива семантику удаления от предмета.

3. Вторым компонентом суффикса *-сянь* является *нь*-овый направительный падеж, который не сохранился в виде живого падежа, но оставил следы в наречиях (типа *кытчань* «куда») и в падежном суффиксе *-лань* (кз. *карлань* «к городу», удм. *нюлэслань* «к лесу»). Суффикс *-сянь* возник из элатива и латива для уточнения границ маршрута движения, но значение лативного показателя «выветрилось».

4. Коми диалектальный суффикс *-ысьбӧдз* (*-иседз*) есть результат контаминации суффиксов элатива *-ысь* и терминатива

-*ödz*. Имя с суффиксом *-ысьödz* первоначально обозначало границы движения «от какого пункта до какого пункта». Значение суффикса *-ödz* заметно «выветрилось».

5. Формирование удмуртского суффикса *-ысен*, вероятно, происходило независимо от суффикса *-сянь*. Суффикс *-ысен* возник путем контаминации *-ысь* и локатива *-н*, хотя не исключены и другие пути его возникновения. Возможно, суффиксы *-сянь* и *-ысен* в древнеудмуртском языке имели некоторые семантические различия; ныне их функции принципиально не отличаются.

6. В трех разновидностях суффикса эгрессива наблюдается одинаковая закономерность в способе их образования. Первым компонентом в суффиксах *-сянь*, *-ысьödz*, *-ысен* выступает элативный показатель *-ысь*, *-сь*, имеющий значение «откуда», вторыми компонентами — суффиксы *-нь*, *-ödz*, *-н*, обозначающие границы распространения движения, конечный пункт маршрута.

7. Суффиксы *-сянь*, *-ысен*, *-ысьödz* возникли не одновременно. Наиболее древним, по-видимому, общепермским, является суффикс *-сянь*; суффиксы *-ысьödz* и *-ысен* возникли в период обособленного развития коми и удмуртского языков и их диалектов.

Возникновение притяжательного падежа

Притяжательный падеж (аблатив) в современных пермских языках имеет суффиксы *-лысь*, *-лйсь*, *-лэсь*. Приведем примеры:

кз. лит. скр. с. л. печ. иж. уд. (*-лысь*) *воклысь* «у брата (взять)», *чождлысь* «у дяди»; *мортлысь* «у человека», *кодлысь* «у кого» *миянлысь* «у нас», *сылысь* «у него», *талысь* «у этого человека» (Вихман, *Syrjänischer Wortschatz*), вв. (*-лйсь*) *батьлйсь* «у отца», *чойлйсь* «у сестры»;

кп. лит. кс. и. (*-лйсь*) *айыслйсь* «у своего отца (взять)», *мöдік-кезлйсь* «у других», *ошыслйсь* «у того медведя», *муыслйсь* «земли», юсв. (*-вись* < *-лйсь*) *миянвись* «у нас» (В. И. Лыткин, Диалектологическая хрестоматия);

удм. лит. (*-лэсь*) *дышетйсьлэсь* «у учителя (взять)», *кинъёслэсь* «у кого»; в диалектах (*-лэсь*, *-лйсь*) глазов. *кабанлэсь* «от кабана», малм. *анайезлэсь* «у своей матери», елабуж. *пыремлэсь* «от вторжения», малм.-урж. *атайлэсь* «у отца», *чабейлйсь* «из пшеницы» (Вихман, *Wotjakische Chrestomathie*).

В склонении некоторых местоимений удмуртского языка встречаются суффиксы *-лэсьт*, *-лэсьт*: *милэсьтым* «(от) нас», *тйлэсьтыд* «(от) вас», *аслэсьтым* «от меня самого», *аслэсьтыд* «от тебя самого» и т. д. (см. Удмуртско-русский словарь, М., 1948, стр. 429—430).

Притяжательный падеж в пермских языках имеет неодинаковый семантический диапазон: в удмуртском языке суффикс *-лэсь* имеет больше значений и функций, чем суффикс *-лысь* в коми языке. Однако у притяжательного падежа есть устойчивое общепермское значение: как в коми, так и в удмуртском языке имена

с суффиксами *-лысь*, *-лэсь* могут выражать предметы (действующие лица), у которых что-нибудь отчуждается, отнимается, воспринимается. Поэтому притяжательным падежом обычно управляют такие глаголы, как *босьтны* «взять», *перйыны* «взимать, вынуть», *нббны* «купить», *торкны* «изменить», *вердны* «кормить», *кывны* «слышать». Например: кз. *варыш варышлысь синсö оз перйы* (пословица) «ястреб ястребу глаз не выклюет»; *кыліс налысь локтöмсö* (Фолькл. сб. Плес. 92) «услышала их приближение»; кп. *Виктор лэдзис невесталысь киэз* («Иньва». 69) «Виктор отпустил руку невесты»; *тöдіс сельсоветісь председателісь голоссö* («Миян луннезö», 10) «узнал голос председателя сельсовета»; удм. *Герей Акмарлэсь куинь капканзэ ваиз* («Вуж Мултан», 86) «Герей принес три капкана Акмара». Притяжательный падеж, следовательно, служит средством выражения отношений принадлежности, отношений собственности, поэтому в коми грамматике его включают в группу принадлежностных падежей, куда входят еще родительный (с суффиксом *-лön*) и дательный (с суффиксом *-лы*).

В удмуртском языке суффикс *-лэсь* выражает не только притяжательное значение, но и ряд других значений, которые сближают его семантически с группой местных падежей. Поэтому в удмуртских грамматиках рассматриваемый падеж обычно называется разделительным.

Притяжательный падеж в удмуртском языке употребляется: 1) при глаголах отделения: *вуж эшбёслэсь люкиськыны* «отделиться от старых друзей», *ужлэсь эн палэнскы* «не отлынивай от работы»; 2) при глаголах, обозначающих защиту от чего-нибудь: *кыммамлэсь утялскыны* «остерегаться простуды»; 3) при глаголах «чувства»: *кышнолэсь мöзмисько* «скучаю по матери»; 4) в усилительных конструкциях: *сьöдлэсь но сьöд* «очень черный, чернее черного»; 5) в сравнительных оборотах: *дзичылэн быжыз йырызлэсь дуно* «у лисы хвост дороже головы»; 6) в превратительных (траслативных) конструкциях: *посёлоклэсь город пöрмиз* «поселок превратился в город»; 7) для обозначения материала: *пулэсь лэсьтыны* «сделать из дерева» и 8) для обозначения состава: *куинь адямилэсь комиссия* «комиссия из трех человек».

Эти значения в коми языке выражаются исходным падежом.

Суффиксы кз. *-лысь*, кп. *-лісь*, удм. *-лэсь* имеют общее происхождение. В финно-угорской лингвистической литературе единодушно утверждается, что эти суффиксы являются вторичными *сь*-овыми образованиями, возникшими путем соединения первичных показателей. Так, проф. Синнеи писал, что «суффикс аблатива *-лэсь*, *-лісь*, *-лысь* в пермских языках возник путем контаминации (*Vereinigung*)... словообразовательного суффикса *л* с суффиксом элатива *-сь*»¹. Такого же мнения придерживался Уотила, писавший, что суффиксы принадлежностных падежей *-лön*, *-лы*,

¹ J. Szinyei. Finnisch-ugrische Sprachwissenschaft, стр. 67—68.

-лысь возникли из л-ового элемента и соответствующих падежных суффиксов (имеются в виду суффиксы локатива -н, датива -ы, элатива -сь — Е. Г.), тем самым создав новые грамматические абстракции¹. Проф. В. И. Лыткин следует этой традиционной трактовке².

Элемент л в суффиксе -лысь имеет допермскую историю. В ряде финно-угорских языков он фигурирует как словообразовательное средство: кз. *кузяла* «во всю длину» (*кузя* «длина»), *модлапöв* «другая сторона реки», *кыклайн* «в двух местах» (ср. *кыкын* «в двух»), удм. *уллапал* «нижняя сторона»; л также наличествует в основе удмуртского послелого *ласянь*, например, *шур ласянь* «со стороны реки»; мар. *ылэл* «находящийся внизу», морд. *васоло* «вдали», фин. *etela* «юг», *Kalevala* «страна Калевы». В этих примерах суффикс л дает слову пространственное, внешнеместное значение. Во-вторых, л-овый элемент вошел в качестве компонента в серию вторичных падежей. В коми языке принадлежностные падежи с суффиксами -лөн, -лы, -лысь, так же как и внешнеместные падежи с суффиксами -лань (*карлань* «к городу») и -ла (*песла* «за дровами»), образовались с помощью рассматриваемого элемента л. Л-овые падежи имеются также в финском и марийском языках. Серия финских падежей: адессива -lla, аллатива -lle и аблатива -lta — одновременно содержит и принадлежностное, и внешнеместное значение.

Традиционное финно-угроведение л-овый элемент в перечисленных падежных суффиксах идентифицирует с л-овым словообразовательным формантом. В последнее время появились новые взгляды о природе л-ового элемента. По мнению член-корреспондента АН СССР Б. А. Серебренникова, в основе ряда л-овых падежей лежит финно-угорский л-овый аллатив; помимо аллатива в л-языке существовали л-овый локатив и л-овый словообразовательный суффикс³.

Вторым компонентом суффиксов -лысь, -лэсь является *сь*, материально родственный с суффиксом исходного падежа -сь, -ысь.

Чтобы объяснить контаминацию материальных частиц л и сь в суффиксах -лысь, -лэсь, необходимо выяснить семантические корни данного явления. Известно, что многофункциональный исходный падеж с древнейших времен выражал различные оттенки мысли, связанные с движением от предмета. В функцию исходного падежа также входило выражение идеи изъятия, отчуждения, восприятия, узнавания. При этом изъятие, отчуждение вещи из-под «власти» одушевленных и неодушевленных предметов выражалось недифференцированно, только исходным падежом.

¹ Т. Uotila. Zur geschichte des konsonantismus..., стр. 198—199.

² В. И. Лыткин. Примечания к книге Д. В. Бубриха..., стр. 8.

³ Б. А. Серебренников. Два спорных вопроса сравнительной грамматики финно-угорских языков. Вопросы языкознания, 1959, № 4.

Это состояние сохранилось в виде реликтов в отдельных местоименных формах: ср. *лавкасыд ньоби* «купил в твоём магазине», букв. «из магазина» и *тэнсыд ньоби* «купил у тебя», исторически «из тебя, от тебя».

Притяжательный падеж возник на базе исходного падежа и тем самым унаследовал как «материю», так семантику суффикса исходного падежа. Однако появление нового падежа не означало дублирование и смешение функций между исходным и притяжательным падежами. Притяжательный падеж в какой-то степени «разгрузил» многофункциональный исходный падеж и взял на себя только незначительную часть функций последнего. Распределение функций произошло следующим образом: отделение, изъятие предметов из пределов («из-под власти») неодушевленных предметов стал выражать исходный падеж (*ньоби лавкасыс ружье* «купил в магазине ружье»), отчуждение предметов из-под власти одушевленных предметов стал выражать притяжательный падеж (*ньоби тёдсалыс ружье* «купил у знакомого ружье»¹). Так сложилось взаимодействие между исходным (первичным *сь*-овым) и притяжательным (вторичным *сь*-овым) падежами, в результате чего была устранена недифференцированность в выражении изъятельности, отчуждения.

Несмотря на то, что притяжательный падеж имеет четко очерченный круг значений, и ныне говорящие не смешивают употребление исходного и притяжательного падежей, в языке остались следы более древнего средства выражения притяжательности, т. е. следы употребления исходного падежа в притяжательном значении. Такие следы обнаруживаются в некоторых формах местоимений, которые в современных пермских языках считаются формами притяжательного падежа, но исторически восходят к формам в исходном падеже.

Приведем общепермские местоименные формы в притяжательном падеже, содержащие в своем составе показатель исходного падежа: кз. *менсьым*, кп. *менсим*, удм. *мынэсьтым* «у меня (взять)», историч. «от меня, из меня», кз. *тэнсьыд*, кп. *тэнсид*, удм. *тынэсьтыд* «у тебя», историч. «от тебя, из тебя». Морфемный состав, например, формы *менсьым* в историческом плане был следующий: *мен* — корень слова со значением «я» (ср. *менам* «у меня», *меным* «мне», удм. *мон* «я»), *-сь* — суффикс исходного падежа, *-ым* — лично-притяжательный суффикс 1 лица ед. числа.

¹ Следует отметить, что русский перевод конструкций типа *ньоби лавкасыс* «я купил в магазине» и *ньоби тёдсалыс* «купил у знакомого» не точно передает специфичность значения коми-удмуртских конструкций. В русском языке при глаголах отчуждения употребляются локативные конструкции (купил «где», «у кого»), тогда как в пермских языках эти глаголы управляют аблативом или элативом (купил «откуда», «от кого»). Поэтому конструкция *ньоби лавкасыс* буквально должна переводиться «купил из магазина», так же как *ньоби тёдсалыс* должна переводиться «купил от знакомого».

Общекоми местоимения в притяжательном падеже без л-ового элемента: кз. *ассьым*, кп. *ассим* «у меня самого», историч. «из, от меня самого», кз. *ассьыд*, кп. *ассид* «у тебя самого», кз. *ассьыс*, кп. *ассис* «у него самого», кз. *ассьыным*, кп. *ассиным* «у нас самих» и т. д. Исторически эти формы также восходят к элативным формам (например, *ас-сь-ым*). В удмуртском языке приведенным местоименным формам соответствуют формы с суффиксом *-лэсьт*: *аслэсьтым* «у меня самого», *аслэсьтыд* «у тебя самого» и т. д.

Помимо перечисленных форм в некоторых диалектах сохранились другие архаические местоименные формы. Так, в ижемском диалекте коми языка говорят: *миянсьыным*, *миянсюмысь* «у нас», историч. «из нас», *тіянсьыныд* «у вас», историч. «из вас»; на Удоре говорят: *мисыным* «у нас (взять)», *тісиныд* «у вас». В коми литературном языке им соответствуют формы с суффиксом *-лысь*: *миянлысь* «у нас (взять)», *тіянлысь* «у вас».

В некоторых диалектах наблюдается любопытное явление параллельного употребления в одном и том же значении двух местоименных форм, из которых одна — без л-ового показателя, а другая — с л-овым показателем принадлежности. В лузских говорах употребляют, например, формы *ассьым* и *асламлысь* «у меня самого (взять)», *ассьыд* и *асладлысь* «у тебя самого» и т. д. Так же обстоит дело в юсьвинском диалекте коми-пермяцкого языка, где говорят *ассим* и *ачымвись* (<**ачымлись*) «у меня самого», *ассиньт* и *асваньтвись* (<**асланьтлись*) «у вас самих» и т. д. (полные парадигмы этих местоимений даны в книге: Wichmann, Syrjänischer Wortschatz).

Перечисленные архаические формы местоимений ныне считаются формами притяжательного падежа, однако не содержат суффикса притяжательного падежа *-лысь* и тем самым резко отличаются от других местоименных форм, имеющих как бы более «современный» облик. Так, местоимения *тэньсьыд* «у тебя» и *сылысь* «у него» имеют однотипное значение, но различное оформление: в одном случае нет элемента *л*, в другой форме есть л-овый показатель принадлежности. В связи с этим возникают вопросы, которые должны решаться в специальном исследовании: например, почему архаические черты сохранились только в сфере местоимений? Далее, почему одни местоимения сохранили старые черты (выражение притяжательности без л-ового элемента: *менсьым* «у меня», *тэньсьыд* «у тебя», *ассьым* «у меня самого»), другие местоимения стали оформляться суффиксом *-лысь* (*сылысь* «у него», *миянлысь* «у нас», *кодлысь* «у кого» и т. д.)? Здесь следует сказать, что параллельное сосуществование различных по оформлению местоимений (*тэньсьыд* «у тебя», *сылысь* «у него») может свидетельствовать о том, что после возникновения притяжательного падежа его суффикс *-лысь* постепенно внедрялся в склонение имен и местоимений, тем самым вытесняя суффикс исходного падежа, который мог употребляться в притяжательном значении. Но этот процесс вытеснения элативных форм в пермских языках

проходил, по-видимому, неравномерно, о чем говорит то обстоятельство, что в коми языке значительно больше архаических местоименных форм, чем в удмуртском.

Притяжательный падеж возник непосредственно для того, чтобы выражать значение отчуждения, притяжательности. Однако, возникнув, притяжательный падеж не остался в состоянии статике. В пермских языках мы находим многочисленные примеры того, что падеж с суффиксами *-лысь*, *-лэсь* имел тенденцию к дальнейшему расширению своих функций за счет функций своего предка — функций исходного падежа.

В этом отношении очень показательны древнепермские и некоторые удмуртские конструкции, в которых суффиксы притяжательного падежа *-лысь*, *-лэсь* выражают отделительное, сравнительное и усилительное значение. Эта тенденция, по данным современных коми диалектов, на коми почве не получила сколько-нибудь значительного развития, вследствие чего исходный падеж сохранил за собой те функции, которые ему были присущи до возникновения притяжательного падежа.

Рассмотрим некоторые конструкции.

В общепермское время сравнительные отношения выражались, вероятнее всего, исходным падежом. Это состояние мы находим в современном коми языке и в некоторых удмуртских конструкциях (с личными местоимениями 1 и 2 лица): кз. *тэысь джуджыд* «выше тебя», *сиктысь бокын* «в стороне от села», *планысь вывті* «сверх плана», удм. *со тынысьтыд кужмогес* «он сильнее тебя». В древнепермских текстах сравнение выражается как исходным, так притяжательным падежом: *матыд сылысь* (прит. п.) «недалеко от него», *айись чужом водзинжыг* (исх. п.) «рожденный раньше отца»¹. Эти конструкции показывают, что еще в древнепермское время наметился сдвиг в употреблении притяжательного падежа в сравнительном значении, однако такое употребление не закрепилось в коми языке. Иную картину мы видим в удмуртском языке, где притяжательный падеж стал основным средством выражения сравнения (*мон эшелэсь азьлогес лыктй* «я пришел несколько раньше товарища» и т. д.), а более древнее употребление исходного падежа в сравнительных конструкциях осталось только в местоимениях 1 и 2 лица.

В древнепермских текстах видно, что притяжательный падеж мог употребляться в усилительных конструкциях (*югыдыльсь югыд* «очень светлый»). В современном коми языке усилительное значение выражается исходным падежом (*югыдысь югыд* «очень светлый», *ёнысь ён* «очень сильный»); в удмуртском языке усилительные конструкции строятся на основе притяжательного падежа (*сьбодлэсь но сьбод* «очень черный»). Сравнивая приведенные конструкции, можно сказать, что притяжательный падеж имел тен-

¹ Древнепермские конструкции взяты из книги: В. И. Лыткин. Древнепермский язык, М., 1952.

денцию употребляться в усилительном значении, но она закрепи-
лась лишь локально, в удмуртском языке.

Древнепермские тексты показывают, что глаголы отделения управляют притяжательным падежом (*мынты варкӧслысь* «избавь от лукавого»). В современном коми языке такое употребление не замечено: глаголы отделения управляют исходным падежом (*тор-йӧдчис вокысь* «отделился от брата», *вичысьӧ кымӧмысь* «остерегается простуды»). В удмуртском языке отделительные глаголы управляют исходным падежом, если он употреблен в послеложной конструкции (*палэнскы мон бордысь* «отвяжись от меня», *син шорысь палэнтэм предмет* «предмет, отдаленный от глаза»), и притяжательным падежом, если имя стоит без послелога (*калыклэсь люкиськыны* «отделиться от людей»). Из этих примеров можно сделать предположение, что притяжательный падеж имел тенденцию употребляться при глаголах отделения; в удмуртском языке такое употребление стало устойчивым, в коми языке оно не получило развития.

Рассмотренные примеры дают некоторое представление о том, как проходили взаимоотношения между исходным и притяжательным падежами в пермских языках. Притяжательный падеж, который возник как падеж с однозначной семантикой, проявлял тенденцию к расширению своего семантического диапазона. Эта тенденция получила полное развитие на почве удмуртского языка, где падеж на *-лэсь* стал выражать комплекс значений, которые были присущи исходному падежу (отделительное, усилительное, сравнительное значение, материал, состав и т. д.). В коми языке однозначность притяжательного падежа сохранилась, и исходный падеж оставил за собой прежний круг значений.

Мы приходим, таким образом, к следующим заключениям:

1) Притяжательный падеж является общепермской грамматической категорией. Его оформителем выступают суффиксы кз. *-лысь* (*воклысь* «у брата»), кп. *-лісь* (*вонлісь* «у брата»), удм. *-лэсь* (*анайлэсь* «у матери»).

2) Суффиксы *-лысь*, *-лэсь* являются вторичными образованиями, возникшими в период общепермского языка-основы путем контаминации *л*-ового и *сь*-ового элементов.

3) Элемент *л* унаследован из финноугорского языка-основы. В пермских языках он имел словообразовательную функцию (кз. *кузяла* «вдоль») и вошел в состав ряда падежных суффиксов (родительного падежа кз. *-лӧн*, удм. *-лэн*, дательного падежа кз. удм. *-лы*, притяжательного падежа кз. *-лысь*, удм. *-лэсь*, направительного падежа кз. удм. *-лань*, достигательного падежа кз. *-ла*). Вопрос о природе этого элемента требует дальнейших исследований.

4) Элемент *сь* восходит к общепермскому показателю исходного падежа *-сь*, *-ысь*. От своего предка элемент *сь* унаследовал отделительную семантику, значение отчуждения.

5) Возникнув на базе исходного падежа, притяжательный падеж взял на себя часть функций первого. Функции распределились следующим образом: притяжательный падеж стал выражать отчуждение предмета из-под власти одушевленного предмета (кз. *нѳѳи тѳдсалысь ружьѳе* «купил ружье у знакомого»), исходный падеж — отчуждение, удаление от неодушевленного предмета (кз. *нѳѳи лавкаысь ружьѳе* «купил ружье в магазине»).

6) Притяжательный падеж в общепермском масштабе имел тенденцию к расширению своих функций. Эта тенденция нашла последовательное развитие лишь в удмуртском языке, где притяжательный падеж стал выражать разделительное, усилительное, сравнительное, транслативное и другие значения, которые раньше выражались исходным падежом.

К вопросу о происхождении сравнительного падежа

Сравнительный падеж является локально ограниченной грамматической категорией. Он употребляется во всех диалектах коми-пермяцкого языка и в некоторых южных диалектах коми-зырянского языка (в лузском, верхнесысольском и среднесысольском). В остальных коми диалектах и литературном языке сравнительные отношения выражаются исходным падежом, в удмуртском языке — притяжательным падежом.

Суффиксом сравнительного падежа является *-ся*; такой фонетический облик суффикса устойчив и не подвергается изменениям ни в одном из диалектов.

Сравнительный падеж имеет однозначную семантику: он выражает сравнительные отношения. Например: кп. лит. *асылыс вѳлі лѳньжык рытыся* («Миян луннезѳ», 78) «утро было более спокойное, чем вечер»; кс. *ош кѳинся ѳнжык* «медведь сильнее волка»; и. *муся госажык абу* «жирнее земли (ничего) нет»; кз. л. (Ловля) *дзодзѳг уткася ыджыдджык* «гусь больше утки», вс. (Ужга) *тыыс юсяыс ыдынджык* «озеро (это) глубже реки»¹.

В некоторых случаях сравнительная конструкция соответствует русской отделительной конструкции с предлогом *кроме*: кп. *пызан вылын телефонся, чернилося, ручкася да сѳтызся нем абу* («Иньва», 62) «на столе нет ничего, кроме телефона, чернил, ручки и счетов»; *Правленнѳын сторожихася некин эз вѳв* (там же) «в правлении никого не было, кроме сторожихи»; *сыся абу?* («Миян луннезѳ» 39) «нет кроме этого?»; кз. вс. (Ужга) *тані дас пудся оз ло* «здесь больше (кроме) десяти пудов не будет» (ср. кз. лит. *дас пуд кындзи*).

Суффикс сравнительного падежа употребляется также в усилительных конструкциях, образуемых повторением основ: кп. лит.

¹ Примеры взяты из диалектологических материалов В. А. Сорвачевой и Т. И. Жилиной.

черыыс унася-уна, быдӧс гырысь («Миян луннезӧ», 76) «рыбы очень много, вся крупная»; *талун челядь радся-рад* (там же, 90) «сегодня ребята очень веселые».

Происхождение суффикса *-ся* является одной из наиболее нерешенных проблем исторической морфологии коми языка. Это объясняется тем, что область употребления сравнительного падежа ограничена; коми-зырянские и удмуртские диалектные материалы дают мало фактов для сравнительного подхода к этой проблеме. Категория сравнительного падежа не отразилась в древнепермских текстах. Суффиксу *-ся* нет соответствий в финно-угорских языках.

В литературе утверждается, что суффикс сравнительного падежа *-ся* является вторичным *сь*-овым суффиксом, возникшим из показателя исходного падежа (Синнее, Вихман, Утила, В. И. Лыткин). Так, Утила писал: «Идентичность элемента *сь* в коми-удм. элативе и аблативе с элементом *сь* в коми-удм. эгрессиве и коми праклюзиве (т. е. в сравнительном падеже — Е. Г.) возможна»¹.

Такое мнение находит определенное семантическое обоснование. Известно, что в коми диалектах и литературном языке сравнительные отношения выражаются исходным падежом (*тавысь дон-тӧм* «дешевле этого», *панысь вывті* «сверх плана» и т. д.). Поэтому сравнительный падеж мог «отпочковаться» от исходного для того, чтобы «разгрузить» многофункциональный исходный падеж и, обособившись, взять на себя функцию выражения сравнения (такое же семантическое основание имеет возникновение притяжательного и отдалительного падежей). Сближение суффиксов исходного и сравнительного падежей имеет также определенные фонетические основания: элемент *сь* в суффиксе элатива *-ысь* и в суффиксе сравнительного падежа *-ся* идентичен (в звуковом отношении). Переход суффикса *-ысь* в суффикс *-ся* фонетически как будто также не является неестественным. Так, например, послелог *бӧрысь* «за» (с суффиксом *-ысь*) может иметь форму *бӧрся* (с суффиксом *-ся*): *ме бӧрысь* «за мной» и *ме бӧрся* идентичны.

Однако это объяснение оставляет открытым вопрос о возникновении и значении элемента *а* в суффиксе *-ся*. Его природа не изучена. Возможно, он имел в прошлом определенную семантику, в частности, отделительно-сравнительную. В этом отношении обращают на себя внимание сравнительные послелоги с элементом *а* в коми языках: кп. *киндза*, *киня* «кроме», кя. *сы киня* «больше, чем он», кз. л. (личн. набл.) *кык лун кыння* «больше (кроме) двух дней», дп. *кынья*, *киня* «чем (при сравнении)»², но мы не беремся выяснять этимологии указанных послелогов.

О происхождении суффикса *-ся* можно также выдвинуть принципиально иное предположение: рассматриваемый суффикс мог

¹ Uotila. Zur geschichte des konsonantismus..., стр. 314.

² В. И. Лыткин. Древнепермский язык, стр. 72.

возникнуть не только из контаминации элативного суффикса *-сь* и какого-то ограничительно-сравнительного показателя *а*; не исключена возможность, что суффикс *-ся* является реликтом какого-то послеложного корня, какой-то «выветрившейся» послеложной лексемы с отделительно-сравнительным значением.

В этом плане интересен удмуртский послелог *сяна* с семантикой «кроме». Приведем примеры: *со сяна* «кроме того»; *Мыным дасо мурт сяна кулэ ёвёл* («Вуж Мултан», 63) «Мне, кроме (больше) десяти человек, не надо»; *Тырон сяна, мар вераськон луоз отын?* (там же, 23) «кроме долгов, о чем будут там говорить?»; *Куараеныз сяна, юэменыз но паймытыз со адымиосты* (там же, 28) «кроме голоса, он удивил людей своей любовью к крепким напиткам».

В данных примерах функции послелога *сяна* перекликаются с функциями коми сравнительного падежа, который может выступать в сравнительно-отделительном значении (ср. удм. *сое сяна* «кроме него» и кп. *сторожихася* «кроме сторожихи»); также в фонетическом отношении суффикс *-ся* совпадает с первой (корневой?) частью послелога *сяна*.

Предполагаемая корневая морфема *ся*, возможно, имеет соответствия в других финно-угорских языках. Например, в мордовском языке есть частица *сяда*, имеющая сравнительную семантику: мокша-м. *Тяза тозерсь сяда цебярь* «здесь пшеница лучше»; *тячи сяда лямбе* «сегодня теплее», *сяда ёмла* «меньший» и т. д. (Мокшанско-русский словарь, М., 1949, стр. 263).

Таким образом, можно предполагать два возможных пути происхождения показателя сравнительного падежа: суффикс *-ся* мог возникнуть из элативного суффикса *-сь*, *-ысь* и взять на себя часть функций исходного падежа; во-вторых, суффикс *-ся* мог появиться вследствие выветривания и грамматикализации какого-то сравнительного послелога или частицы.

Привлечение новых диалектных данных по пермским языкам и сравнительно-историческое освещение этих данных более ясно покажут пути формирования сравнительного падежа в коми языках.

* * *

Мы рассмотрели происхождение и функции *сь*-овых падежей в коми и удмуртском языках. Из падежей с элементом *сь* мы выдвинули в качестве первичного исходный падеж с суффиксами *-ысь*, *-ысьт*. Отдалительный падеж с суффиксами *-сянь*, *-ысен*, *-ысьёдз*, притяжательный падеж на *-лысь*, *-лэсь* и сравнительный падеж с суффиксом *-ся* мы рассматриваем как вторичные *сь*-овые падежи, возникшие на базе суффикса исходного падежа. Все эти падежи, как первичный, так и вторичные, объединены генетической общностью, что в свою очередь влечет за собой семантическую близость указанных падежей.

Исходный падеж возник в период общепермского языка-основы. Его суффикс имеет две разновидности: *-сь* и *-сьт* (*-ысь* и *-ысьт*). *Т*-овый элемент в суффиксе *-сьт* унаследован из допермских эпох, он восходит к форманту финно-угорского аблатива *-т*. *Сь*-овый элемент, по всей вероятности, является чисто пермским формантом; он мог иметь более конкретное значение исходности, тогда как *т*-овый элемент мог содержать семантику общего отделения. В пермских языках, по-видимому, локально ограниченно, имело место контаминация *сь*-ового элатива и *т*-ового аблатива, однако она оказалась непрочной, особенно в коми ветви диалектов. Формант *-сьт*, вероятно, еще в общепермское время отходит на задний план и оказывается малопродуктивным падежным суффиксом; элатив же с суффиксом *-сь* получает тотальное распространение и становится универсальным средством выражения элативно-аблативных отношений. Этому способствовало то обстоятельство, что в пермских языках финно-угорский аблатив *-т*, отличавшийся многофункциональностью (по данным мордовского языка), исчезает, а *сь*-овый элатив наследует все функции аблатива *-т* и тем самым расширяет свой семантический диапазон.

До возникновения вторичных *сь*-овых падежей исходный падеж выражал следующие значения: 1) удаление из предмета, от предмета, с предмета (*петіс керкаысь* «вышел из дому», *пыийис ошкысь* «убежал от медведя», *лэптис джоджысь* «поднял с пола»); 2) отчуждение предмета от неодушевленного или одушевленного предмета (*босьтис лавкаысь* «купил в магазине», букв. «из магазина»); 3) отделение от предмета (*виччысис кымомысь* «остерегался простуды»); 4) сравнение и усиление (*мемысь ыджыд* «выше меня», *ыджыдысь ыджыд* «очень большой»); 5) материал (*тэчис изыысь* «сложил из камня»); 6) причину (*гөрődіс көдзыдысь* «покраснел от мороза»); 7) объект речи, мысли и чувства (*гажтöмтча сыысь* «скучаю по нему», *сёрнитам тэ йылысь* «говорим о тебе», *эг дзескавлöй нянысь* «не испытывали недостатка в хлебе») и ряд других оттенков. Эти значения в той или иной степени связаны с семантикой отделения и удаления.

Вторичные *с*-овые падежи возникли для уточнения и дифференцированного выражения отдельных значений исходного падежа, в конечном счете для более точного и дифференцированного выражения отношений действительности, для более точной передачи мысли. Так, отдалительный падеж возник для того, чтобы одновременно выражать пункт, от которого начинается движение, и пункт, где завершается передвижение: *воис кыйсянінсянь* «пришел с охоты (до данного места)». Раньше движение от одного предмета до другого выражалось, по-видимому, исходным падежом (ср. удорские конструкции: *школаысь да ягöдз* «от школы до бора», *кусим да яйöдз* «от кожи до мускулов» и т. д.). Притяжательный падеж взял на себя выражение отчуждения предмета от владельца, что раньше также выражалось исходным падежом

(*босьтіс чойлысь* «взял у сестры», ср. *босьтіс менсьым* «взял у меня», историч. «из меня»). Сравнительный падеж также разгрузил многофункциональный исходный падеж в выражении отношений сравнения. Возникновение вторичных *сь*-овых падежей показывает, что, как в других языках, в пермской языковой группе проявлялась тенденция к совершенствованию грамматических средств для более точного выражения мысли.

Все *сь*-овые падежи в пермских языках объединены общностью происхождения элемента *сь*, который содержит элативно-аблативное значение. Поэтому указанное значение сохраняется в той или иной степени во всех *сь*-овых падежах: в отдалительном падеже содержится значение удаления от предмета, притяжательный падеж не мыслится без идеи отделения (отчуждения) предмета, сравнительные конструкции также основаны на идее дифференциации предметов и их сличения. Семантическая общность этих падежей обусловлена генетической общностью.

Эта семантическая общность не означает, что *сь*-овые падежи дублируют друг друга. Вторичные падежи возникли путем контаминации элемента *сь* с другими показателями. Например, эгрессив с суффиксами *-сянь*, *-ысен*, *-ысьöдз* возник из *сь*-ового элемента и латива *-нь*, локатива (?) *-н* и терминатива *-öдз*. Эти компоненты не могли не повлиять на семантику эгрессива. Притяжательный падеж возник из исходного падежа с суффиксом *-ысь* и показателя принадлежности *л*, который наложил определенный отпечаток на значение этого падежа. Таким образом, вторичные *сь*-овые падежи являются новыми грамматическими абстракциями, имеющими свои специфические функции.

В заключение следует отметить, что семантический диапазон *сь*-овых падежей неодинаков. Из падежей с элементом *сь* наиболее древним был исходный падеж, отличавшийся исключительной многофункциональностью. Вторичные *сь*-овые падежи отличаются однозначностью семантики; исторически и семантически это объясняется тем, что они возникли для «разгрузки» исходного падежа и взяли на себя только незначительную часть функций исходного падежа. Только притяжательный падеж в удмуртском языке коренным образом расширил свои функции за счет исходного падежа, оставив за последним только выражение местно-исходной семантики.

Список сокращений

кз. лит — коми литературный язык.

кз.— коми-зырянский язык.

скр — присыктывкарские говоры коми языка

уд — удорский диалект

вым — вымский диалект

иж — ижемский диалект

нв.— нижевычегодский диалект

с.— сысольский диалект

ВВ.—Верхневычегодский диалект

КП. ЛИТ.— коми-пермяцкий литер

КП.— КОМИ-ПЕРМЯЦКИЙ ЯЗЫК

КС.— КОСИНСКИЙ диалект

И.—ИНЬВЕНЬСКИЙ диалект

ОНЫК.— ОНЫКОВСКИЕ говоры

нердв.—нердвинские говоры

КЯ.— КОМИ-ЯЗЬВИНСКИЕ ГОВОРЫ

удм. лит.— удмуртский литературный язык.
глазов.— глазовский диалект удмуртского языка.

МАЛМ.—МАЛМЫЖСКИЙ ДИАЛЕКТ

елабуж.— елабужский диалект

уфимск.— уфимский диалект удмуртского языка.

«Вуж Мултан» — М. Петров. Вуж Мултан (роман), Ижевск, 1954.

(сборник). Кудымкар, 1954.

Кык п.— Педь Генъ, Кык повесть. Сыктывкар, 1936.

СО Д Е Р Ж А Н И Е

<i>В. Н. Давыдов.</i> Восстановление сельского хозяйства автономной области Коми в 1921—1925 гг.	3
<i>Т. П. Раевская.</i> Из истории земельных отношений на горных заводах пермского имения Абамелек-Лазаревых в 60—70-х годах XIX в.	30
<i>Л. Н. Жеребцов и Л. П. Лашук.</i> Этнографический уклад населения верхней Вычегды.	53
<i>Г. М. Буров.</i> Из результатов археологической разведки 1957 г. на верхней Вычегде.	99
<i>Б. А. Серебренников.</i> О некоторых вопросах исторической грамматики коми языка.	119
<i>Е. С. Гуляев.</i> Происхождение падежей с элементом сь в коми языке	131
<i>А. Н. Федорова.</i> О последнем периоде жизни и деятельности И. А. Куратова (из архивных материалов)	164
Рецензии на книгу «Современный коми язык», ч. I, под редакцией проф. В. И. Лыткина. Коми филиал Академии наук СССР. Коми книжное издательство. Сыктывкар, 1955 г.	179

Отв. за выпуск *В. Понов*

Техн. редактор *И. Цивунин*

Сдано в набор 28/X-1959 г. Подписано к печати 30/I-1960 г. Формат 60×92¹/₁₆=5,625 бум. лист. 11,25 печ. лист. (Уч.-изд. лист. 11,93). Тираж 1000. Заказ № 3340. Ц00151. Коми книжное издательство. Дом печати. Цена 7 руб.

г. Сыктывкар, Республиканская типография Полиграфиздата
Министерства культуры Коми АССР

ЗАМЕЧЕННЫЕ ОПЕЧАТКИ

На стр. 57, второй абзац сверху, 15—20 строки следует **читать:**

Как известно, по признаку чередования звуков *л* — *в* в конце слова коми язык распадается на три диалектные группы: говоры эловые (в конце слова произносится *л*, напр. „кыл“ — язык, „ныл“ — дочь), развившиеся на их основе говоры в-эловые (в конце слова *л* заменяется *в*, напр. „кыв“ — язык, „ныв“ — дочь), и говоры нуль-эловые или с удлинённой конечной гласной (упомянутые слова здесь звучат так: *кыы*, *ныы*).

На 179 стр. 21 строка снизу, напечатано: (предположение, слово, морфема), следует **читать:** (предложение и т. д.).